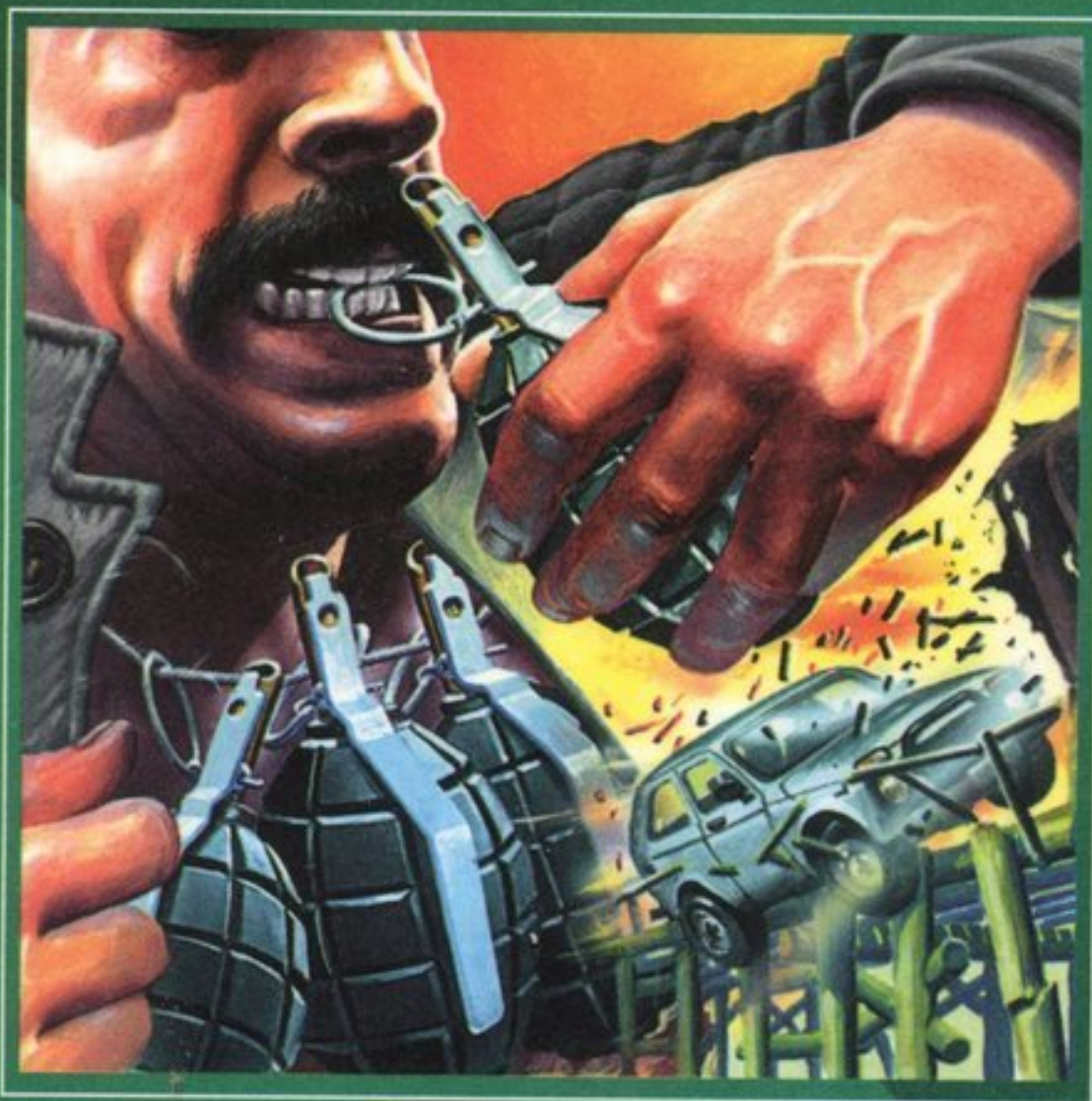

ЗДЕСЬ НЕ ВЫЗЫВАЮТ НА ДУЭЛЬ —
ЗДЕСЬ СТРЕЛЯЮТ ИЗ-ЗА УГЛА.

Кукловод

АНДРЕЙ ТРОИЦКИЙ

Андрей Троицкий

Кукловод

«Автор»

Троицкий А. Б.

Кукловод / А. Б. Троицкий — «Автор»,

Хитер и ловок владелец фирмы «Орфей», отправляющий грузовики с оружием в Таджикистан в обмен на наркотики. Упоен своей безнаказанностью людоед Джабилов. Властен и беспощаден московский авторитет Литвиненко. Они считают себя крутыми и даже не подозревают, что всего-навсего марионетки в чужих руках. Так кто же он – этот кукловод, дергающий за все нити?

© Троицкий А. Б.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	8
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	29
Глава пятая	39
Глава шестая	47
Глава седьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Троицкий

Кукловод

Пролог

Глубокой ночью возвращаться из области в Москву не самое приятное занятие. Тем более, когда ты крепко выпил. Три твоих приятеля, сидящих в салоне автомобиля, выпили больше твоего. Пятигодовалая "Волга", уже побывавшая в двух авариях и одном капитальном ремонте, издает какие-то странные, скрипящие и лязгающие звуки. И еще протяжное мычание, похожее на стон умирающей старухи.

Дорога тоже оставляет желать лучшего. Осень, только что кончились три дня непрерывных дождей, и вот неожиданно ударили ранние заморозки. Асфальт скользкий, как каток у дома пионеров. Двухрядная дорога, виляющая из стороны в сторону, так и норовит выскочить из-под колес.

Авария, если ей суждено случиться, обязательно случиться.

Сидевший за рулем Игорь Акимов не подумал сбавить скорость, когда машину занесло первый раз. Он крутанул руль в сторону заноса, выровнял "Волгу" и продолжил разговор, будто ничего не случилось.

Собственно, весь разговор свелся к обмену мнениями о свадьбе приятеля, с которой и возвращались по домам четверо мужчин. Вопрос, хороша ли невеста, уже провинтилировали и закрыли. Сошлись в том мнении, что такой знойной женщине, похоронившей второго мужа, можно смело отдаться. Если выпьешь поллитровку. Но обязательно с прицепом.

Дальше разговор закрутился вокруг непосредственно свадьбы. Тут и вспомнить особенно нечего, ничего выдающегося. Стол – так себе, музыка – средней паршивости, даже приличной драки с битьем посуды не случилось. Только какой-то пьяный мужичок, из местных, деревенских, неизвестно от кого получил в морду еще в самом начале застолья. И всю свадьбу провалился в поперек темных сеней. О мужичка спотыкались, все, кто выходил на улицу курить или по нужде. Но оттащить пострадавшего в сторону никто не догадался. Одно хорошо – водки было много, море разлитое. Все упились под завязку. Жених перепутал невесту с тещей. А тесть уснул в салате.

Но люди, сидевшие в "Волге", все профессиональные водители грузовиков, на беду не смогли слишком уж злоупотребить гостеприимством хозяев. Остаться на второй или даже на третий день гулянки, чтобы оттянуться по полной программе. Через несколько дней всем четверым предстоял дальний и, главное, очень ответственный рейс через Россию до южной границы Казахстана, до самого Чимкента. Выпили – и ладно. Остальное можно наверстать по возвращении.

Акимов не часто отвлекался на разговоры, не слушал собеседников и не внимательно следил за опасной дорогой. Он был занят своими мыслями. Все складывается, как нельзя лучше. Свадьба – уважительный предлог для возлияний. Редкие фонари. Дорога, схваченная корочкой льда. Плохая резина. Скорость под сто. Встречные машины спят фарами дальнего света. Они едут, куда надо. Навстречу серьезной аварии. Все логично и убедительно. А эта встреча совсем скоро.

Акимов изучил этот маршрут основательно, поворот за поворотом, километр за километром. Сейчас они свернут налево, а там до окружной останется последний отрезок, двадцать восемь километров. Дорожных указателей и километровых столбиков на этом участке почти нет. Зато в начале подъема на обочине укреплен и подсвечен лампочками высокий рекламный щит.

На щите изображена физиономия человека, не имеющего определенного возраста и даже половой принадлежности. В зубах человек держит кусок хлеба, намазанный то ли шоколадной пастой, то ли коричневым гуталином, то ли собачьими экскрементами. И надпись аршинными буквами понизу: "Бодрость на весь день". Такую редкую красоту нельзя не заметить.

Сразу за щитом, на двадцать шестом километре дорожная насыпь поднимается высоко. Внизу крутой склон под углом сорок пять градусов. Склон обрывается глубоким оврагом. Если машина пробьет угловое металлическое ограждение, а машина его непременно пробьет, придется долго кувыряться.

Слегка протрезвевший Сергей Федоров, сидевший на переднем сидении, толкнул Акимов в бок.

– Игорь, не увлекайся. Сбавь маленько.

Акимов только рукой махнул.

– Да ладно. Что я, первый раз в седле.

Так, вот он рекламный щит, уже показавшийся. Акимов медленно прибавлял газу. С заднего сидения раздался смех. Начался подъем. Акимов мысленно перекрестился. Лишь бы не влететь в темноте в массивную металлическую опору ограждения.

Навстречу "Волге" несся "Москвич" с включенными фарами. Пора, надо ловить момент. Акимов осторожно убрал с баранки левую руку, нащупал пальцами ручку двери. Когда до встречной машины оставалось метров сто, Акимов вывернул баранку вправо. Взвизгнули тормоза.

– Черт, колесо лопнуло, – закричал он.

"Волга" влетела на бордюрный камень. Сидевший спереди не пристегнутый Федоров ударился головой о лобовое стекло. "Волга" легко пробила ограждение, разгоняясь, подпрыгивая, покатила вниз по склону.

Акимов дернул ручку, толкнул плечом дверь. Оттолкнувшись двумя ногами от пола, выпрыгнул из машины. В полете он сумел сгруппироваться, влетел спиной в кусты боярышника, приземлился на бок и покатился вниз. Машина продолжала движение. Ускоряясь, она перевернулась на крышу, снова встала на колеса. Проехала метров пятьдесят вниз, пока боком не уткнулась в пригорок над оврагом.

Акимов сел, ощупал руки и ноги. Кажется, кости целы. Прихрамывая, он побежал вниз, к "Волге". На бегу вытащил из кармана и раскрыл перочинный нож. Добежав до машины, опустился на колени возле правого переднего колеса, с силой вогнал лезвие в покрышку, повернул его. Сложенный нож бросил в темноту.

Он открыл переднюю дверцу, заглянул в салон. Федоров, запрокинув голову назад, громко стонал. Акимов тронул его за плечи, приподнял ноги пострадавшего, подложил руку под спину. Крякнув, оторвал человека от сидения. Пронес несколько шагов на руках, опустил на мокрую траву. Склонившись над Федоровым, пошлепал его по щекам.

– Как ты, Сережа?

– Ничего, – Федоров застонал. – Только вот ноги... Совсем не чувствую ног. Что с ногами?

– Ничего. Ничего такого. Потерпи немного.

Видимо, с Федоровым дело плохо, сломан или поврежден позвоночник. Акимов вернулся к "Волге", одного за другим вытащил пассажиров с заднего сидения. У одного открытый перелом голени. Акимов снял с себя куртку, скинул рубаху. Оторвав рукав, наложил повязку выше перелома. У последнего третьего пассажира видимых травм нет. Ладно, врачи разберутся, что к чему. Главное, все остались живы. Слава Богу.

– Сейчас, я за "Скорой".

Акимов бросился вверх к дороге. По крутой насыпи он передвигался на карачках, хватаясь руками за скользкую траву, за колючие кусты. Влажная рыхлая земля сыпалась под ботинками, ноги скользили по насыпи. Наконец, он выбрался на магистраль. Возле поврежденного ограждения уже собрались люди, остановились машины, которых выходили водители и пассажиры.

– У кого-нибудь есть мобильный телефон? – закричал Акимов. – "Скорую" вызвать.

– У меня есть.

Какой-то мужчина уже протягивал Акимову трубку.

Глава первая

Жизнь Евгения Викторовича Каширина, возглавляющего инвестиционную фирму "Горизонт", устойчивая и налаженная жизнь преуспевающего бизнесмена, вдруг развалилась, рассыпалась на части. Весь этот обвал, это страшное крушение быта, надежд и планов, заняло всего лишь несколько коротких будних дней.

Первая туча появилась ниоткуда еще в четверг на прошлой неделе. Даже не туча, так, легкое облачко. В первой половине дня Каширин обнаружил, что под рукой нет мобильного телефона. Он внимательно осмотрел стол, надеясь найти трубку под бумагами. На всякий случай заглянул в стеллажи стенного шкафа – и там нет. Он прошелся по всему третьему этажу, который арендовал "Горизонт", сунулся в кабинеты подчиненных. Трубки не было нигде. Тогда Каширин спустился вниз, дошагал до платной стоянки, где здешний служивый люд оставляет свои автомобили. Но не нашел трубку и в салоне новенького "Лексуса".

– Черт, мобильный телефон сперли, – пожаловался Каширин охраннику стоянки. – И, главное, никто не признается.

Сторож безмолвно развел руками.

Каширин вернулся на рабочее место, позвонил в компанию, обслуживающую сотовые телефоны, заявил о пропаже и наказал, чтобы номер немедленно отключили. Каширин принялся за работу, успокоив себя той мыслью, что теперь, когда сотовый телефон потерялся, его меньше станут беспокоить по пустякам. Хорошо бы сейчас запить горечь утраты чашечкой сладкого кофе. Тьфу, опять неприятность.

Секретарь Евгения Викторовича неожиданно не вышла на работу, и только в середине дня позвонила из дома и объявила, что уходит с должности. "Хотя бы месяц еще поработай, – попросил Каширин. – Пока тебе замены не найду. Я же зашиваюсь. Кофе сварить некому". "А я заболела, взяла больничный", – сухо ответила секретарь и, даже не попрощавшись, положила трубку. Стерва чертова.

Каширин выругался вслух и прошелся по кабинету, как тигр по клетке. Без секретаря действительно плохо. В пятницу к середине дня Каширин просто утонул в бумагах. Октябрь подходит к середине, запарка и аврал. Нужно разбираться месячным отчетом, в котором, разумеется, напортачили. А тут еще всю, не разобранную секретарем корреспонденцию, все письма и деловые бумаги, курьер стал пачками сбрасывать на его рабочий стол.

Каширину некогда было копаться в бумажном мусоре. Он отключил телефон, попросил курьера оставлять все послания в приемной и принялся за работу. В ту же пятницу ближе к вечеру Каширин кое-как разгреб дела, сам заварил себе чашку кофе и выпил его, успокоившись той мыслью, что и без секретаря он не помрет. Месяц протянет, а там найдется замена. Каширин сунул телефонный штепсель в розетку.

* * *

И тут среди ясного неба грянул гром.

Затрезвонил телефон, и когда он снял трубку, мужчина с незнакомым голосом попросил позвать Каширина. После долгих "извините" и "простите", мужчина представился: Рачков, референт Надежды Петровны Ореховой. "Вы нашу телеграмму не получали?" – спросил Рачков. Каширин ответил, что телеграммы ему не приносили. И тут вспомнил, что еще вчера велел курьеру не доставлять в кабинет корреспонденцию. Вероятно, телеграмма со вчерашнего дня пылится на столе секретарши.

"Значит, вы ничего не знаете?" – спросил Рачков. Каширин уже начинал злиться на бестолкового референта: "А что я, собственно, должен знать?" "Она погибла", – брякнул Рачков. "Кто погиб?" – не сразу сообразил Каширин. Как и всякий обеспеченный человек, которому было что терять в земной жизни, при упоминании о смерти, он ощутил острое душевное беспокойство. "Кто погиб?" – Каширин привстал с кресла.

Наконец, Рачков сделал внятное короткое сообщение, после которого Каширин на минуту лишился дара речи. Оказываться позавчера Орехова на служебной машине отправилась по делам область. На Минском шоссе, водитель управлявший ее "Фольксвагеном" выскочил на полосу встречного движения, лоб в лоб столкнулся с "Уралом", груженым круглым лесом. "Фольксваген" всмятку, весь передок собрался гармонью. Вызывали спасателей, чтобы срезать крушу автомобиля и вытащить тела. Водитель умер мгновенно.

"Его надо было просто отскребать от сиденья", – пояснил Рачков. Орехова еще жила какое-то время. "Скорая" приехала спустя сорок минут после аварии. Женщину даже успели довести до ближайшей районной больницы. Но все это – лишь пустые хлопоты, не приходя в сознание, она умерла в приемном покое.

"Надежда Петровна не пристегнулась ремнем безопасности. А сидела на переднем сиденье. Бедра сломаны, обе руки, ребра, ключицы, вся переломана", – все добавлял Рачков, будто эти кровавые подробности теперь имели хоть какое-то значение. "Похороны завтра, отпевание начнется в одиннадцать. Это в церкви рядом с главным входом в парк "Сокольники", – закончил Рачков. – Вы придете?"

Каширин испытал приступ головной боли. "Да, разумеется, приду".

Он положил трубку, встал из-за стола, вышел в приемную. Поздний вечер, пятница, сотрудники инвестиционной компании разошлись по домам. Он долго копался в бумагах, сваленных на столе секретаря, пока не нашел телеграммы. Точно, вчера утром прислали. А курьер, расписавшись за телеграмму, бросил ее на стол и обо все забыл.

Каширин перетряхнул все ящики рабочего стола секретарши, но так и не нашел ни одной таблетки аспирина. Он вернулся в кабинет, долго мерил пространство шагами, чувствуя, что головная боль усиливается. Упав в кресло, обхватил голову руками.

Ужасная трагедия, относительно молодая, полная сил женщина гибнет нелепой смертью только потому, что ее придурок водитель очень торопится на тот свет. Жаль Орехову, чертовски жаль. Лет десять назад они начинали общий бизнес, одно время были близки. Увлечение оказалось таким сильным, что Орехова даже хотела бросить ради Каширина мужа и детей. Но вовремя одумалась, призадумалась о двух малых сыновьях. Какой им пример, ну, и так далее...

Потом их дороги разошлись, любовь выродилась в дружбу, а деловые связи сохранилась. Да, Орехова человек хороший. Была, – поправил себя Каширин. Он думал о том, что, возможно, за всю прожитую жизнь встретил лишь одного хорошего человека. Так ведь и то удача – одного хорошего человека в жизни встретить.

Но теперь, после ее гибели, на передний план выступают совсем иные проблемы. Финансовые. Три месяца назад Орехова, возглавлявшая строительную фирму "Степ", взяла у фирмы Каширина кредит в три миллиона долларов. Срок погашения – середина октября. Каширин даже в записях не копался: он и без бумажки помнил, что Орехова должна вернуть деньги в следующий понедельник.

Теперь понятно: скорее всего, кредита в назначенный срок не вернешь. После смерти Ореховой в "Степе" будут долго делить должности и стулья, выяснять внутренние проблемы. Не первый раз Каширин сужал деньгами свою старую знакомую, прежде не было речи об отсрочке платежей. Орехова платила вовремя, без лишних напоминаний.

А что теперь? Обеспечением кредита стала партия технических алмазов, хранящихся в сейфе Каширина. Хорошо хоть эти алмазы есть. В прошлый раз Каширин, выдававший

кредит Ореховой, взял в его обеспечение недостроенный коттедж в Подмосковье. Сомнительный залог, более чем сомнительный. Правда, в прошлый раз и сумма была на целый порядок меньше, где-то тысяч триста зеленых или того меньше. Впрочем, попроси Орехова денег, Каширин дал ей просто под честное слово. Он не учел одного обстоятельства: люди не живут вечно, тем более люди порядочные, честные. Но вот как все повернулось.

В принципе, технические алмазы товар вполне ликвидный. В случае если новые хозяева "Степа" откажутся платить, можно не подавать в арбитраж, судиться с ними – дохлый номер, счета "Степа" наверняка окажется пустыми. А сейчас руководители "Степа" будут тянуть время. Пока не растащат всю компанию по нитке. А потом и спросить будет не с кого.

Итак, можно продать эти алмазы. Правда, на три миллиона долларов они вряд ли потянут. Эксперт, оценивший мелкие камушки, сказал, что за них можно сбросить от силы за два миллиона шестьсот тысяч. Но это легко сказать – продать камни. Покупателя придется искать долго, возможно, очень долго. А убытки... А проценты... А упущенная прибыль... Об этом лучше сейчас и не думать.

Он долго прикидывал варианты, но около десяти, позвонил вниз водителю, сказал, что выходит, и спустился к машине. Этим поздним слякотным вечером Каширин еще не понял всего масштаба случившегося. Не ощутил, что земля ушла из-под ног, земля разверзлась, а он начал свое падение в пропасть.

Но дна у этой пропасти нет.

* * *

На следующее утро в одиннадцать Каширин вошел во дворик большой церкви по левую сторону от главного входа в парк "Сокольники". Он бросил мелочь нищим, перекрестился на пороге храма, поднялся вверх по вытертым каменным ступеням.

В дверях церкви он натолкнулся на заместителя Ореховой представительного седовласого мужчину лет пятидесяти по фамилии Кобылкин. Заместитель с чувством потряс руку Каширина, захлюпал сопливым носом и сморозил какую-то банальность в то духе, что смерть не щадит никого из нас.

Отпевали сразу трех покойников. Орехову, гроб которой стоял посередине, ближе к алтарю, и каких-то старушек, которые, судя по их желтым сухим лицам, пережили свою смерть на добрых четверть века. Гробы были установлены на постаментах, сбитых из листовой фанеры и покрытых красным плюшем. Набилось много народу. Люди, знакомые и незнакомые тесно обступили гроб.

Муж Ореховой, съездившийся, какой-то жалкий, стоял у изголовья гроба, опустив глаза к полу. Протиснувшись вперед, Каширин положил охапку гвоздик к ногам усопшей, снова шагнул назад. Лишь единственный раз он долгим взглядом всмотрелся в женское лицо – и опустил глаза, почувствовав в горле ребристый не дающий дышать комок. Он подумал, что женское лицо осталось не изуродованным, светлым и чистым.

Больше смотреть на Орехову Каширин не смог. Видеть в гробу свою любовницу, пусть даже бывшую любовницу, это выше его сил. Все равно, что видеть в гробу самого себя.

Через минуту появился батюшка в черной рясе с золотым шитьем и, взмахивая дымящимся кадилом, принялся бубнить бесконечную молитву. В церкви горело множество свечей, они быстро оплывали, пахло горячим парафином. Да и батюшкино кадило распространяло вокруг себя какую-то совершенно особую сладковатую вонь, напоминающую дух гниющей человеческой плоти. Когда Каширину стало совсем не вмоготу дышать спертым вонючим воздухом, он выбрался из толпы, чувствуя внятные позывы подступившей к горлу тошноты. Вышел на крыльцо церкви и долго так стоял с непокрытой головой.

А дальше началась обычная похоронная рутина. Вынос гроба, автобусы с тем, кто собрался на кладбище. Каширин сел в машину, велел водителю пристроиться в хвост похоронной процессии. На кладбище оркестр играл слишком громко, музыканты внятно фальшивили, то и дело сбивались на мажорный лад. У могилы каждый желающий мог взять слово, вспомнить трагически погибшую женщину. На удивление, собравшиеся говорили много и охотно. Даже очередь из выступавших образовалась. Каширин и здесь стоял в стороне, его воротило от подобных церемоний. В итоге наговорили целые горы высокопарных фраз, в которых бесполезно искать хотя бы горошину смысла.

Последним решил выступить заместитель Ореховой Кобылкин. Теперь, считай, глава фирмы. Тиская в руке кепку, выдал очередную порцию белиберды: о вечной памяти, торжестве человеческого духа и почему-то душевной красоте. Вопрос, чьей только красоте? Собственной что ли?

Слушая весь этот лепет, Каширин вспомнил: в молодости Кобылкин работал акушером в гинекологическом отделении одной из московских больниц. С работы его турнули за то, что он слишком уж активно помогал забеременеть бесплодным пациенткам. Позже он нашел себя в строительном бизнесе. Вот они, превратности судьбы.

* * *

Когда вся трихомудия, наконец, завершились, родственники, друзья и знакомые покойной неторопливо двинулись к воротам кладбища, Каширин поравнялся с Кобылкиным на узкой асфальтированной аллее. Они обменялись общими ничего не значащими фразами. И тут Каширин попытался свернуть разговор в деловое русло. Он спросил Кобылкина, в курсе ли тот относительно кредита. Кобылкин нахмурился и молча кивнул головой.

– Надежда Петровна по договору должна вернуть деньги в понедельник, – сказал Каширин. – Теперь, когда вы заняли ее место, думаю, недоразумений не возникнет?

Кобылкин брезгливо сморщился всем лицом, так сморщился, будто съел гнилой лимон.

– Евгений Викторович, хочу вам напомнить, – ответил Кобылкин. – Мы на кладбище, а не в ломбарде. Мы только что похоронили близкого всем нам человека.

Кобылкин осуждающе покачал головой, ускорил шаг. Каширин придержал его за рукав пальто.

– Я помню, – кивнул Каширин. – Помню, кого мы похоронили.

К черту все условности. Он не хотел отступать. Кобылкин снова сморщился и, наконец, надел кепку, прикрыв головным убором продолговатую плешь на затылке.

– На кладбище не вспоминают о денежных счетах, – сказал он. – Жалко, что вам, человеку умному и чуткому к горю, приходится объяснять эти прописные истины. Очень жалко. Кстати, вы едите на поминки?

Вот сволочь Кобылкин, пять он вывернулся, ничего конкретного не ответил. Свернул на свое. Поминки у него.

– Нет, на поминки не еду, – сказал Каширин. – И все-таки я вынужден напомнить...

– Сейчас об этом слушать не хочу, – лицо Кобылкина сделалось злым.

Каширин остановил Кобылкина посередине асфальтовой дорожки, намертво вцепившись ему в рукав пальто.

– Нет, послушай. Я ведь не какой-нибудь еврей процентщик, ростовщик, который сидит в своей сырой норе и ждет... Ждет свою жертву, доведенную судьбой до жизненного края. Чтобы содрать последнее. Я глава инвестиционной компании. По существу менеджер, который распоряжается деньгами. Не своими собственными, а чужими. Я не из своего кармана дал в долг Ореховой. Это деньги пайщиков. С меня спросят и основную сумму, и проценты по кредиту. Это чужие деньги...

От могилы к воротам неторопливо шли притихшие люди. Некоторые из них останавливались, оглядывались на двух мужчин, выбравших для денежного спора не самое подходящее время и место. Наконец, Кобылкин высвободил свою руку.

– Успокойтесь, – сказал он. – Все наши договоренности сохраняются. Но поймите, нужно время, чтобы привести дела в порядок. Мне нужно войти в курс. Дайте хотя бы неделю.

Каширин не верил ни единому слову. Этот черт сто бочек наговорит... Каширин ловил удивленные взгляды людей и думал, что, действительно, стороны он выглядит, как последний идиот. Нет, даже хуже идиота. Но что ему делать?

– У меня нет этой недели, – чуть не застонал Каширин. – Это чужие деньги. Не мои и не ваши.

– Хорошо, хорошо, – часто закивал Кобылкин. – Поговорим обо всем прямо в понедельник. Вот в понедельник и поговорим.

Быстрым шагом едва не бегом Кобылкин бросился к воротам, смешался с толпой людей. Каширин поднял голову вверх. В вышине серого неба каркала, нарезала неровные круги огромная ворона. Худшие опасения Каширина сбывались. Но жила еще и надежда, авось, и удастся выбраться из этого смертельного штопора.

* * *

С кладбища Каширин отправился не на московскую квартиру, а в загородный дом в недалеко от кольцевой дороги. Большой дом, строительство которого растянулось аж на пятилетку, и прошлым летом, наконец, благополучно завершилось. В доме Каширина ждала молодая жена Марина и горячий обед.

Он отпустил водителя до понедельника, отказался от обеда и стал бесцельно слоняться из комнаты в комнату. Новый приступ мигрени, возвращавшийся каждый день, застал Каширина в гостиной. Он полез в сервант, вытащил упаковку таблеток, сунул в рот парочку пилюль, запив их водой из горлышка бутылки.

– Что это ты за таблетки принимаешь?

Марина хотела войти в комнату, но остановилась в дверях, наблюдая за мужем. Голубые джинсы в обтяжку подчеркивали девичью стройность бедер, кофточка цвета осенней жухлой травы тесно облегла иные прелести юного тела. И зачем Марине нужно постоянно подчеркивать, что она моложе мужа чуть не на двадцать лет моложе? Зачем нужно напоминать, что на нее молодые парни оглядываются? Напоминать, что она следит за собой, за своей фигурой?

Но за кем ей еще следить, если она целыми днями одна торчит дома? Только и остается, что за собой следить. Тренажеры, сауна, массаж... Но зачем все это подчеркивать постоянно? К месту и не к месту. И еще она подкрашивает губы, брови ресницы, волосы осветляет. Будто не у себя дома находится, а пришла в кабак повертеть задницей перед мужиками.

Каширин вдруг с грустью подумал, что слишком стар для этой девочки. Настроенный на грустный лад, он еще подумал, что, возможно, умрет, когда Марина даже не успеет слегка увянуть.

– Так что это за таблетки?

Этот простой бытовой вопрос почему-то вдруг вывел Евгения Викторовича из себя. Он с чувством бросил пузырек с лекарством на прежнее место, хлопнул ящиком серванта так, что зазвенела посуда в его стеклянном чреве.

– Не волнуйся, – Каширин скрипнул зубами. – Сегодняшнюю ночь ты сможешь спать спокойно. Я не стану тебя будить. Эти таблетки не для улучшения потенции.

– Какая муха тебя уку...

Каширин не дал жене договорить. Он воскликнул:

– Кстати, если ты не знаешь. Этими делами в постели я еще способен заниматься без говеных таблеток. Без стимуляторов способен тебя...

Он хотел употребить матерное слово, но вовремя нашел синоним.

– Еще без таблеток способен тебя иметь. Без пилюль. Мне не нужно этого дерьма, "Виагры" и всего прочего. Я и без него способен...

Марина не дослушала монолог мужа о его половых возможностях. Поджала губы и молча вышла из комнаты. И черт с ней, пусть катится.

Спустя пять минут Каширин удивился своему поступку. С чего это он, за полтора года женитьбы никогда не повышавший голоса на Марину, с чего он вдруг взорвался. Каширин побродил по комнате, подошел к камину и долго разглядывал фотографию своей дочери Ольги от первого брака. Уже взрослая, самостоятельная девушка. Учится на первом курсе института, как бишь этот чертов институт называется? Или дочь учится уже на втором курсе? Или уже на третьем? Бежит время, всего не упомнишь. Вот же проклятая память.

Каширин упал на диван у окна и уставился в потолок. Иногда, в минуты душевного откровения, он спрашивал себя: возможно, женитьба на Марине – его ошибка? И сейчас спросил, но не нашелся с ответом. Развод с бывшей женой и эта новая женитьба слишком дорого ему достались. В любом смысле слова, дорого. И, прежде всего, в материальном, в финансовом смысле.

Бывшая жена не страдала отсутствием аппетита, напротив, ее потребности росли день ото дня. Кроме того, она где-то разыскала молодого провинциального адвоката с бульдожьей хваткой, на редкость сволочного типа. Под стать себе. А у самого Каширина сердце на проверку оказалось слишком добрым, слишком мягким. Он уступил буквально во всем, удовлетворил все претензии, подписал все бумаги.

Ольга, разумеется, осталась с матерью. А Каширину пришлось начинать жизнь с начала. А ушлый адвокат с острыми зубами теперь пожинает чужие плоды. Он оформил брак с бывшей женой Каширина.

Хоть бы этому адвокату кто помог с балкона двадцатого этажа грохнуться. Или с обледелой платформы под колеса товарного поезда сорваться.

Нет, с адвокатами ничего такого не случаются. Эти ребята берегут себя, даже правил дорожного движения не нарушают. Они доживают до глубокой счастливой старости. Не болеют и умирают легко, скоропостижно, окруженные стайкой благодарных внуков. Будущее внуков, разумеется, обеспечено.

Каширин ворочался на диване. Он чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. И ошибался. Настоящие несчастья были совсем близко, но еще не начинались.

Глава вторая

В поздний октябрьский вечер бензоколонка, расположенная не на бойком месте, а на дальней окраине Москвы, в отдалении от широких магистралей и кольцевой дороги, напоминала рождественскую елку.

На высоте трех метров по периметру ровно стриженных газонов с чахлой пожелтевшей от ранних холодов травой протянули электрическую гирлянду из разноцветных лампочек. Над будкой, где скучала средних лет женщина оператор в обществе тоже немолодого охранника, водрузили десятиметровый шест. Концы гирлянд, опоясывающих станцию, поднимались вверх, сходились на вершине шеста.

Свет лампочек бил в глаза и раздражал двух молодых людей, которые в этот промозглый вечер нашли себе не самое приятное занятие. Они, прикрытые со стороны бензоколонки кустами шиповника, уселись на корточки, посматривали на подъезжающие автомобили и разговаривали только для того, чтобы забыть о холоде.

Сперва говорили о заработках слесарей на столичных автосервисах, затем о выпивке. Но эта тема как-то быстро сама собой выдохлась. Накануне Артем Чулков скромно отметил свой двадцатипятилетний юбилей, поздним вечером в полном одиночестве выкачал большую бутылку водки. Теперь он томился похмельем, и водочный диспут не находил в душе приятного живого отклика. Чулков сплюнул на траву белую тягучую слюну и пригладил огромной лапой рыжую коротко стриженую голову.

– Хватит об этом. Давай о бабах что ли.

Помощник Чулкова Коля Рогожкин понимающе кивнул.

– Как скажешь. Рассказывай о бабах.

Чулков откашлялся в кулак и начал короткий, минут так на десять, рассказ о разорительной для себя связи с одной очень интересной потаскушкой. Начал с присказки:

– Чем больше женщин, тем меньше денег – это арифметика...

Свое повествование он закончил словами:

– Когда я встретил эту суку через год, ее нос совсем провалился. От сифилиса. Губы черные...

Рогожкин поморщился так, что под шапочкой зашевелились уши.

– Тьфу ты. Давай больше не будем о бабах, – сказал он. – Лучше снова о заработках. Или о еврейх. Или о чем хочешь.

Чулков, как старший и более опытный из друзей, пять дней назад получил заказ. Нужен новенький "Мерседес" Е-класса. Объем двигателя, цвет значения не имел. Главное – пригнать машину в гараж перекупщика Рифата не позднее, чем через шесть дней. Аванс на месте. Окончательный расчет через неделю, когда машина, перекрашенная, с перебитыми номерами, с новыми документами уйдет к покупателю. Надбавка за срочность двадцать процентов. И еще можно поторговаться.

"Почему именно Мерс Е-класса? – спросил Чулков Рифата – Почем, скажем, не С-класса?". "Когда ты отучишься задавать идиотские вопросы? – Рифат покачал головой. – Один умник вроде тебя, только с деньгами, хочет иметь именно такую машину. „Мерс“ с круглыми фарами. Дались ему эти фары. Так сделаешь или нет?". Чулков молча кивнул головой. Заказ принят.

Такие поручения доводилось выполнять и прежде. Чулков думал, что и на этот раз осечки не получится. Он уже месяц держал на прицеле армянина, недавно купившего такую машину. Армянин оставлял свою красавицу у подъезда, и сигнализация в тачке довольно простая, с такой долго возиться не придется. Однако, как дошло до дела, армяшка вместе с "Мерседесом" неожиданно исчез.

Чулков навел справки. Оказалось, клиент уехал по гостевому приглашению то ли в Штаты, то ли в Израиль. А машину продал какому-то земляку. Пришлось искать другие варианты. Но они, эти варианты, отпадали, как желтые листья с сохлой ветки. Чулков обзвонил всех знакомых. Облом, облом, облом... И вот они здесь, возле бензозаправки. Их шанс – один из тысячи. Или того меньше?

* * *

– Сегодня не наш день, – Рогожкин посмотрел на светящийся циферблат наручных часов. – Зря только тут мерзнем. Уже третий час пошел. И все мимо. Надо уходить.

Чулков мысленно согласился со словами Рогожкина, но в слух возразил.

– Если долго не везет... Значит, на скоро фарт покатит.

– Через час я умру от обморожения.

– Слушай, с меня неустойку возьмут, если завтра тачки не будет в гараже у Рифата, – голос Чулкова сделался тусклым. – Я ведь подписался на это дело. Он на меня все концы повесит.

– Забудь ты об этом. Подписался... Концы повесит, стрелки переведет... Неустойка какая-то... Херня все это.

– Ну, может, неустойку платить не придется. Но хороших заказов мы еще как минимум полгода не увидим. В наказание.

– И хрен с ним, с Рифатом, с этой мордой, – сказал Рогожкин. – И с его заказами долбанными. Сам пусть этим занимается. Почему грязная работа достается нам, а он стрижет купоны?

Продолжая сидеть на корточках, он поднял воротник короткой матерчатой куртки на синтепоне, натянул на уши вязаную шапочку.

Разноцветные огоньки мигали над бензоколонкой, переливались, отражаясь в мокром асфальте. Это электрическое великолепие дополняли два рекламных щита с верхней подсветкой. Женщина оператор, следуя указаниям своего работодателя, включила иллюминацию ровно в одиннадцать вечера. Бензоколонка, расположенная на открытом месте, хорошо просматривалась со всех четырех сторон, огоньки стали видны издали, однако ажиотажа не возникло и "Мерседесы" поблизости не наблюдались.

Время от времени, с интервалом в три-пять минут, к станции подъезжали легковушки, владельцы которых, вставив "пистолет" в бензобак, подходили к окошку, рассчитывались, заправляли автомобили. Через пару минут машины растворялись в темноте. Чулков проводил взглядом "Вольво", снова сплюнул под ноги, вслух ответил на собственные мысли.

– Дрянь, старье ржавое.

Он встал на ноги, чтобы немного размяться, сделал несколько шагов взад-вперед, поежился, снова присел на корточки. Достав из кармана самодельный нож с шестнадцатисантиметровым очень узким клинком из нержавеющей стали, деревянной рукояткой и навершием из кованой латуни, он стал вертеть нож в руках. Затем, держа большим и указательным пальцем за рукоятку, опустил вниз острие. Разжал пальцы, нож, сверкнув двухсторонней заточкой клинка, воткнулся в сырую землю.

– Ничего перышко? – спросил Чулков.

– Не носил бы ты его с собой. А то по пьяни ударишь кого.

– Коля, запомни: пером не бьют, пером суют.

Чулков вытер нож о темные брюки, спрятал его во внутреннем кармане куртки. Рогожкин поочередно зажимая ноздри носа большим пальцем, высморкался, достал сигареты. Прикрывая ладонью огонек зажигалки, он глубоко затянулся, но так и не почувствовал тепла, только неприятную горечь на сухих губах.

Чулков потер ладони, глянул в сторону и прищурился, как тигр перед прыжком. Ключуло.

"Мерседес" темно синего цвета медленно подъехал к станции. Мужчина средних лет невысокого роста выбрался из машины, и даже не потрудился захлопнуть за собой дверцу. Его светлая шерстяная куртка в свете мигающих разноцветных огней отливала всеми красками радуги. Вставил "пистолет" бензонасоса в бак, мужчина неторопливо подошел к будке, пригнул голову, что-то сказал оператору, полез за кошельком.

* * *

Водитель, расплатившись за бензин, возвращался к машине. Он смотрел себе под ноги, засовывая в глубокий внутренний карман куртки кожаное портмоне с серебряными уголками. Расчет с оператором занял ровно пятьдесят секунд.

Этого времени Чулкову хватило, чтобы выскочить из кустов, пригнувшись так низко, что руки едва не волочились по асфальту, добежать до автомобиля, заглянуть в салон. Никого. Хозяин тачки даже ключи не вынул, оставил в замке зажигания. Чулков встал во весь свой прекрасный рост, обошел машину сзади.

Водитель, наконец, засунул бумажник в карман, поднял глаза и застыл на месте. До "Мерседеса" оставалось всего несколько шагов. Но дорогу преграждал здоровый парень с короткой рыжей шевелюрой. Парень доброжелательно улыбался. Но улыбка получилась жалкой, да и Чулков оказался слишком плохим психологом.

– Здравствуйте, – он продолжал с усилием улыбаться. – Сегодня ровно год, как открылась наша бензоколонка. Мы хотим подарить вам набор гаечных ключей. Как юбилейному покупателю. Абсолютно бесплатно. Задаром.

Мужчина поправил на носу очки с бесцветными стеклами без оправы. Он, как всякий разумный человек, которому предложили получить товар за бесплатно, испытал душевное неудобство, похожее на испуг. Даже отступил на шаг. Не очень верится, что такой рыжий амбал с идиотической улыбкой здесь трудится. Что этот идиот способен получить работу даже на паршивой бензоколонке. Мужчина секунду раздумывал, не позвать ли на помощь охранника, но так и не принял решение.

Чулков был выше своего оппонента на полголовы, поэтому чувствовал себя уверенно. Он шагнул вперед.

– Бесплатные гаечные ключи. Как юбилейному...

Мужчина свел брови, раздраженно махнул рукой, не дав Чулкову договорить.

– Спасибо. Мне не нужны никакие ключи. Тем более бесплатные.

– Вы их еще не видели...

– И не увижу. Не хочу.

Времени на дальнейший диспут не осталось. Если продолжать разговор, можно все испортить окончательно.

Чулков коротко развернулся и слева ударил мужчину в нижнюю челюсть. Но тот оказался готов к нападению. Он успел выбросить вперед правую руку. Кулак Чулкова пробил эту защиту, но лишь скользнул по челюсти противника, задел щеку, ушел вверх.

Зато боковой удар справа пришелся точно в ухо. Блеснули очки, слетевшие с носа мужчины. Но, как ни странно, противник Чулкова, видимо, имевший навыки и опыт кулачного боя, устоял на ногах. Мало того, отступив назад, он довольно чувствительно пнул Чулкова носком ботинка в опорную ногу. Чулков даже не почувствовал острой боли, он на мгновение просто растерялся. Он не ждал сопротивления от человека средних лет, к тому же находившегося в более низкой весовой категории. Никак не рассчитывал, что тот устоит на ногах, пропустив такой жестокий удар.

Мужчина сунул руку в карман куртки. Он дернул кверху локоть, но рука почему-то не вылезала из кармана. Чулков понял, что сейчас его ход. Последний ход. Треснули, рассыпались очки, раздавленные чьим-то каблуком.

Чулков успел выхватить нож и ударил первым.

Тонкий клинок вошел слева точно под пятое ребро. Мужчина тонко вскрикнул, вытащил правую руку из кармана, схватился за грудь. Чулков резко дернул рукоятку ножа вверх. Клинок обломился, остался в груди владельца "Мерседеса". Мужчина снова вскрикнул, на этот раз совсем тихо. Плюнул кровью, пискнул и, закатив глаза, повалился спиной на асфальт.

* * *

Рогожкин на ватных, занемевших от долго сидения на корточках ногах дошагал до будки в тот момент, когда от нее отходил водитель синего "Мерседеса". Подойдя на расстояние шага к окошечку, он широко распахнул куртку, стараясь загородить оператору весь обзор. Женщина подняла на Рогожкина глаза, похожие на бесцветные пуговицы. Он, обдумывая вопрос, стянул с головы шапочку, сунул ее в карман и поскреб затылок. Странно действует холод. До костей промерзнув на осеннем ветру, Рогожкин стал туго соображать. Чтобы сформулировать простейший вопрос, требовалось огромное умственное напряжение.

– У вас есть этот, как там его, – Рогожкин наморщил лоб. – Как там его, черт... Моторное масло у вас есть?

Придумывая и задавая свой вопрос, он разглядывал через стекло помещение бензозаправочной станции. Виден письменный стол, за которым сидит женщина. На столе кассовый аппарат, навалены какие-то бумажки, поверх них журнал с кулинарными рецептами.

Рогожкин кожей чувствовал, какие-то события сейчас происходят за его спиной. Но оборачиваться, смотреть назад нельзя. Это может насторожить оператора. Она тоже захочет посмотреть, что там...

– Масло? – переспросила женщина, будто плохо слышала вопрос.

– Да, да, – кивнул Рогожкин. – Масло. Машинное масло.

– Вон, перед вами. На витрине.

Рогожкин повернул голову направо, куда показывала пальцем женщина. Действительно, рядом с окошком оператора оборудована небольшая витрина, где на полках расставлены фляжки и канистры с маслами, присадками и автокосметикой. Он сделал вид, что разглядывает товар, а сам наблюдал за внутренним помещением.

Комната небольшая. В углу на тумбочке маленький телевизор. У стены рядом с телевизором стоит гладкоствольное помповое ружье. В экран неподвижным взглядом уставился усатый охранник. Он, одетый в камуфляжную форму, подпоясанный ремнем, имел бы весьма бравый вид. Но дело портил натягивающий пятнистую курку отвислый живот.

Рогожкин услышал за своей спиной несколько коротких реплик, какую-то непонятную возню.

– А антифриз есть?

Рогожкин придвинулся вплотную к окошечку и еще шире распахнул полы куртки. Лишь бы чертова баба ничего не услышала. Слава Богу, телевизор включен. Нет, ничего она не услышит. А охранник слишком далеко сидит от окошечка.

За спиной Рогожкина раздался тонкий крик, похожий на женский. Рогожкин, мгновенно сориентировавшись, выхватил из кармана носовой платок и высморкался так громко и смачно, что нос мгновенно покраснел. Женщина глянула на покупателя удивленно.казалось, она не могла понять, как страдающий насморком человек может издавать подобные,

похожие на женский крик звуки. Рогожкин развернул в руке сопливый платок, словно искал на нем сухое место, чтобы снова высморкаться. Он доброжелательно улыбнулся.

– Антифриз...

– Да вон же все на витрине, – женщина поморщилась. – Смотрите сами.

– Спасибо, спасибо. Большое спасибо.

"Лишь бы сейчас никто не подъехал, – думал Рогожкин. О, Господи. Лишь бы никто не подъехал. Господи, помилуй. Лишь бы пронесло".

* * *

Чулков, ухватил мужчину за щиколотки ног, задрал их до уровня своей груди и потащил тело к кустам.

Чулков шел спиной вперед, волоча за собой мужчину, оказавшегося слишком тяжелым для своей весьма скромной комплекции. По мокрому асфальту тянулась кровавая, казавшаяся черной, полоса. За кустами Чулков, разжал руки. Присев на корточки, потрогал кончиками пальцев шею своей жертвы, слева, под нижней челюстью. Пульса, разумеется, нет. Что ж, с длинным клинком в груди, под пятым ребром, люди не живут. Точнее, живут, но не долго.

Мужчина лежал на спине, уставившись широко распахнутыми глазами в небо, словно внимательно считал звезды в его холодной темноте, и никак не мог их сосчитать, сбивался. На груди, на белой рубашке выросло темное пятно почти правильной круглой формы. Чулков, преодолевая страх и брезгливость, обшарил внешние карманы светлой шерстяной куртки. Так и есть – пистолет. В темноте и не разберешь, что за модель, ясно, что иностранный. Чулков сунул пистолет за пазуху.

Мужик, обороняясь, хотел пристрелить его. Но пистолет, видимо, зацепился курком или выступом рукоятки за подкладку куртки. В распоряжении Чулкова оказалась лишняя секунда. Вроде бы, фора во времени небольшая, но она-то все и решила. Чулков не оплошал, не промахнулся. Он хотел пошарить и во внутренних карманах светлой куртки, но побоялся испачкать руки кровью.

Чулков видел, как Рогожкин топчется у окошечка бензоколонки, разговаривает с оператором. Трясет в руках какую-то прозрачную пузатую бутылку. Тянет время, отвлекает. Чулков поднялся на ноги, и тут только заметил, что его все-таки угораздило запачкать руки. Правая ладонь вся в крови. И с тыльной стороны левой руки тоже заметные крупные пятна. Вытирать руки о траву уже не осталось времени.

Чулков вышел из кустов, подошел к машине, вытащил из бензобака "пистолет" бензонасоса, вставил его в держатель.

Он оглянулся назад. Все в порядке, отсюда, со стороны бензоколонки человеческое тело, лежавшее за кустами на желтой траве не было заметно. Почти не было заметно. Эти проклятые лампочки. Вокруг слишком светло. Но, скорее всего, этого мужика не найдут раньше завтрашнего утра. В восемь часов на колонке пересменка. Придут новый оператор, охранник. Они и углядят этого клиента. Но до восьми – вся ночь и добрая половина утра.

Чулков устроился на водительском месте, захлопнул дверцу.

* * *

Охранник, видимо, считал ниже своего достоинства обращать внимание на сопливого покупателя машинного масла и антифриза. Оператор обернулась к охраннику, то ли ответила на его вопрос, то ли сама о чем-то спросила, Рогожкин не расслышал. Женщина улыбнулась, охранник показал пальцем на экран телевизора и засмеялся.

Рогожкин бросил короткий взгляд за спину. "Мерседес" с раскрытой передней дверцей стоял на прежнем месте. Но где люди? Вокруг никого. Ни Чулкова, ни водителя не видно.

– Антифриза дайте, пожалуйста. Вон тот, крайний двухлитровый флакон.

Рогожкин покопался в карманах и сунул в окошечко деньги. Черт, куда же делся этот придурок Чулков? И где водитель? Оператор поднялась со стула, сняла с полки прозрачную бутылку с голубой жидкостью, через окошко сунула ее покупателю. Рогожкин принял бутылку, не зная, что делать дальше, повертел ее в руках.

Он тянул время, встав в пол-оборота к окошечку, сделав вид, что читает надписи на этикетке, скосил глаза в сторону. Из кустов появилась рыжая башка Чулкова. Он подошел к машине, повозился у бензоколонки, сел за руль. Фу, порядок.

– Спасибо, хороший антифриз, – еще раз поблагодарил оператора Рогожкин.

Помахивая бутылкой, он подошел к машине, открыл дверцу и упал на переднее сидение.

– Мать твою, что ты возился целый час?

Чулков помолчал секунду, наконец, чужим деревянным голосом сказал:

– Я только что убил этого мужика.

– Убил? – Рогожкин вытаращил глаза. – Мать твою...

Он обхватил голову руками и тихо застонал.

– Да пошел ты. Сам бы с ним разбирался, умник. Все, поехали, а то блевону.

Чулков резко взял с места, развернулся и погнал машину по темной дороге. Через пару минут веселые огоньки бензозаправочной станции исчезли за поворотом.

* * *

Проехав два десятка километров по кольцевой дороге, Чулков свернул в сторону области. Сидевший рядом Рогожкин молчал, грыз ногти и часто вздыхал. Могло показаться, он остро, до черноты перед глазами, переживает, что заурядный угон машины превратился в мокруху, терзается мыслью о смерти невинного человека. Нет, Рогожкин уже решил для себя, что муки совести в его положении непозволительная роскошь. Будь, что будет. Пусть случится все, чему суждено случиться. А, снявши голову, по волосам не плачут. Вот и вся мораль.

Он думал о другом, думал, что подвеска нового "Мерседеса" жестковата, и это хорошо, по-спортивному. На крутых поворотах автомобиль долго не раскачивается, а стабилизируется очень быстро. Машина наворочена по полной программе: кожаный салон, трехсотый двигатель. В ообщее, в этой тачке есть все, от гидроусилителя руля до бортового компьютера и кондиционера. Наверное, приятно посидеть за рулем тачки стоимостью сто тысяч долларов. Разумеется, приятно. Даже очень приятно, если от машины не пахнет свежей кровью. Не воняет мертвечиной. От этой ох как пахивает. Еще Рогожкин подумал, что мать сейчас вернулась со смены, а его, как всегда, нет дома. Отчим, скорее всего, дрыхнет...

– Надо позвонить Рифату, – сказал Чулков. – Если его нет в гараже, пусть приезжает. Срочно приезжает.

– Увидишь телефонную будку, остановись.

– Да какого хрена, будка, – процедил Чулков. – Разуй глаза. Вот мобильный телефон. Внизу, под приборной доской.

Рогожкин поднял темную трубку, включил аппарат и набрал номер. Три длинных гудка. Голос Рифата показался таким близким, словно тот сидел на заднем сидении.

– Это я, – обрадовался Рогожкин. – Мы все сделали, едем.

– Давай, я на месте, – Рифат положил трубку.

– Ждет, – сказал Рогожкин.

– Может, не будем говорить ему... Ну, об этом?

– Надо сказать, – покачал головой Рогожкин. – Я сам скажу. А там пусть решает.

Попетляв по спящим улицами улицам пригородного городка, "Мерседес" оказался на его окраине, в производственной зоне. Бесконечные заборы, темные коробки заводских корпусов, трубы, плюющие в звездное небо серой копотью. Ни людей, ни машин. Здесь легко заблудиться, если хорошо не знать дорогу.

Рифат Шабаев, даривший краденым автомобилям новую жизнь, арендовал большой ведомственный гараж в одном из номерных НИИ в ближнем Подмоскovie. В добрые старые времена институт занимался оборонкой и процветал, теперь он, разоренный, лишенный заказов, натурально загибался от бедности и сводил концы с концами, сдавая арендаторам свои помещения.

Чулков сделал последний поворот, промчался метров триста по прямой и затормозил. Машина встала, как вкопанная. Решетку радиатора от ржавых ворот отделяли считанные сантиметры.

– Хорошие тормоза, – Чулков почему-то грустно вздохнул и трижды посигналил короткими гудками.

Рогожкин дважды прочитал надпись, выведенную на бетонном заборе красной масляной краской: "Стой. При входе на вахту предъяви пропуск в развернутом виде". Из калитки, прорезанной в воротах, вышел человек, одетый в длинный полушубок с лохматым воротником, подошел ближе, через стекло заглянул в лицо Чулкова. Человек кивнул и исчез за калиткой. Послышался шум запускаемого мотора, лязгнули приводные цепи, створки ворот качнулись, поползли в стороны, открывая дорогу.

* * *

Рифат уже спустился из конторы вниз. Ожидая гостей, он стоял посредине двора, под фонарями, закрепленными на стенах кирпичных боксов. Высокий, черноволосый в белом свитере с высоким горлом, он напоминал немолодого спортсмена, затевающего в поздний неурочный час легкую разминку.

Чулков с Рогожкиным вылезли из машины, отступив в сторону, молча наблюдали за Шабаевым. Рифат несколько раз обошел машину, заглянул под капот, сел на водительское место и вылез с видимой неохотой. Он, скупой на похвалу и добрые жесты, не часто позволял себе улыбаться. Но на этот раз улыбнулся. Все, пора портить заказчику настроение, решил Рогожкин. Он откашлялся в кулак и коротко рассказал Рифату все, что случилось на бензоколонке.

– У этого типа был пистолет, – подал голос Чулков. – Он хотел меня пристрелить.

– Жаль, что он этого не сделал, – Рифат с ненавистью глянул на Чулкова.

– Еще бы секунда – и он меня уложил. Я защищался. Я хотел просто вырубить его, пару раз двинуть по репе. И не смог как следует вмазать. Я совсем задубел, пока ждал эту тачку. Руки сделались непослушными. Удар вышел вялым.

– Все, я не хочу слышать того, что я не хочу слышать. И не расстраивай меня лишний раз. Это хреновая грязная работа.

– Да ладно, эта тачка стоит целое состояние.

Чулков, рассчитывая на понимание и, возможно, даже сочувствие, скорчил жалобную морду.

– Она ничего не стоит, – усмехнулся Рифат. – Ни гроша. На ней кровь. Что я буду делать с этой телегой?

– Тоже самое, что делаете с другими тачками, – Чулков быстро уставал от пустых препирательств. – И кто знает, что на ней кровь? Только мы двое и вы. Новые номера, новые бумаги. "Мерседес" это не "Астин Мартин". "Мерседесов" в Москве полно, пруд пруди.

– Пруди, – передразнил Рифат. – Рассказывай все как есть, мне нужна история этой машины. От и до. Как вы на нее вышли?

Чулков шагнул вперед, опустив голову, встал перед Рифатом, как провинившийся школьник.

– Я искал подходящую машину три дня. Были варианты, но все сорвалось. Моя подружка работала на той бензозаправке. Месяца полтора назад она рассчиталась, ее рассчитали. Ну, это не важно. Короче, я просил ее брать на заметку, какие машины приезжают туда вечерами заправляться. Регулярно приезжают. Меня интересовали дорогие иномарки. Чтобы, когда подвернется случай... Ну, понятно. Она и рассказала об этом "Мерседесе". Вечерами он там часто останавливался. Видно, его хозяин рядом живет. То есть жил... И я решил попробовать. Ну, подождать. Мы ждали два дня.

– Черт бы вас побрал. Я обещал человеку, что тачка будет обязательно.

– Значит, оставляете машину? – обрадовался Рогожкин.

Прежде чем ответить, Рифат добрую минуту боролся с собственной жадностью. Он морщил лоб, загибал пальцы, что-то тихо шептал, пуская пар из носа. Наконец, жадность победила.

– Оставляю, живодер ты хренов. Но никакого аванса не получите. Ни рубля, ни копейки. Все, это не подлежит обсуждению. Когда тачка уйдет, поговорим. Не раньше чем через неделю денег не ждите.

Рогожкин понял, что торговаться бессмысленно, Рифат не уступит. Теперь нужно где-то ловить попутку и добираться до Москвы, до дома.

Глава третья

Понедельник не принес Каширину приятных сюрпризов. Весь рабочий день он названивал в фирму "Степ". Как ни странно, ни один из телефонов не отвечал. Молчал и домашний телефон Кобылкина, после гибели Ореховой оставшегося в фирме за главного. Лишь под вечер Каширин сдался, решил отложить это дело до следующего дня.

Вторник Каширин начал с бесконечных звонков в "Степ". Снова у Кобылкина никто не снимал трубку. Часов в десять утра ответила секретарша. Девушка разговаривала таким сонным голосом, будто только что очнулась после летаргического сна.

– Кобылкина сегодня не будет. А кто это говорит?

Каширин представился и спросил, когда Кобылкин намерен появиться на работе.

– Попробуйте позвонить завтра во второй половине дня.

– Но хоть кто-то из руководства на месте?

– Никого нет, – секретарша зевнула. – И сегодня вряд ли кто появится. Сами понимаете...

Каширин положил трубку и решил действовать. Он вызвал адвоката инвестиционной фирмы, старого еврея Рахинсона. Коротко объяснив ситуацию, передал ему документы и приказал, чтобы тот немедленно ни минуты составил исковое заявление в арбитраж. Подавать заявление в суд в ближайшие два дня не следует, но нужно иметь его под рукой. Рахинсон долго знакомился с бумагами. И когда понял, о какой сумме идет речь, глаза просто вывалились из орбит. Казалось, зрачки вот-вот коснутся толстых выпуклых стекол очков.

– Три миллиона долларов? – Рахинсон хотел ошибиться. – Плюс проценты в полмиллиона?

– Все правильно, – кивнул Каширин. – Нас хотят кинуть именно на три с половиной миллиона. Причем долларов.

Рахинсон вскочил на ноги, заметался по кабинету, захлопал руками, как подбитая камнем птица хлопает крыльями. И вправду, в своем темно синем костюме он напоминал огромную галку. И нос длинный, как клюв. Адвокат, пощелкав клювом еще пару минут, улетел сочинять исковое заявление.

Каширин созвонился со своим старым знакомым Нарышкиным, коммерческим директором одной из московских фирм. Еще вчера Нарышкин выразил заинтересованность в приобретении технических алмазов. Но сегодня его тон не излучал оптимизма, голос звучал блекло.

– Трудные времена, старик, – сказал Нарышкин. – Помочь тебе можно. Но о наличных и речи быть не может. Давай так: пришлю к тебе своего эксперта. Он оценит эту фиговню. Ты сбросишь процентов двадцать от оценочной стоимости. Это как минимум. А дальше поговорим.

– Мне срочно нужны деньги, – сказал Каширин. – Просто подыхаю, как нужны.

– Нет, старичок, – Нарышкин зачмокал губами. – Наличманом рассчитаться не могу. Если придем к соглашению, выдам тебе вексель со сроком погашения четыре месяца.

– Хорошо, я подумаю.

У Каширина оборвалось сердце. Алмазы стоят приблизительно два с половиной миллиона. Эксперт Нарышкина занизит цену, ну, процентов на двадцать. Еще двадцать процентов надо сбросить. Затем Каширин получит вексель со сроком погашения четыре месяца. Это слишком долгий срок. Но нет никакой гарантии, что вексель примут к оплате. У Нарышкина репутация человека не слишком чистоплотного в делах.

Каширин долго загибал пальцы, наконец, вслух подытожил свои вычисления:

– А сам с хреном остаюсь, – сказал он.

Короче, этот вариант не проходит.

* * *

Ровно в час дня дверь кабинета распахнулась оттого, что с другой стороны в нее пнули носком ботинка. Каширин поднял глаза от бумаг и, встав на ноги, заспешил пожать лапу некоему Литвиненко.

Сопровождал Литвиненко какой-то сопляк в очках, в черном костюме и галстукке, с мордой важной, как у министра. Гости безмолвно расселись в креслах перед столом Каширина. Литвиненко сунул в рот сигарету и подождал, когда молодой человек поднесет ему огонька. Каширин сел за стол, замялся, не зная, с чего начать.

Хороших новостей не было, а посетители пришли сюда не для того, чтобы покалякать о превратностях погоды. Литвиненко нежно погладил ладонью бритую наголо шишковатую голову и начал сам, без лирических предисловий.

– Хреново получается, – сказал он. – Ну, с этим кредитом. Совсем хреново.

Литвиненко выпустил дым из заросших шерстью ноздрей и надолго замолчал. Так, выходит, Литвиненко все знает, – решил Каширин. И о кредите, и о проблемах с его возвратом. Впрочем, удивляться тут нечему.

По долгу службы Литвиненко обязан знать все, что происходит в инвестиционной компании "Горизонт". Он начальник службы безопасности, по существу, правая рука Вадима Ступина. А Ступин... Ну, тут и объяснять ничего не надо. Он большой человек, учредитель "Горизонта", владелец основного пакета акций. В жилетном кармане Ступина наверняка помещается десяток таких инвестиционных компаний. Плюс парочка коммерческих банков, казино, горы недвижимости и еще много чего.

Каширин только руками развел, молчаливо соглашаясь с оценкой "совсем хреново".

– И что думаешь делать? – спросил Литвиненко. – Кажется, кредит стал невозвратным.

Каширин подвинул пепельницу на противоположный край стола, но Литвиненко сделал вид, что не заметил этого движения. Страхнул пепел на ковер. Молодой человек в очках сидел на стуле, как истукан, уставившись в пустой дальний угол кабинета. Кажется, он не слушал разговора, а забавлял себя, постукивая кончиками пальцев по крышке лежащего на коленях кейса.

– Наш юрист сейчас составляет исковое заявление в арбитраж, – ответил Каширин. – Это, во-первых. Во-вторых, я начал переговоры о продаже залога, взятого под кредит. Тех самых технических алмазов. В-третьих...

– Заткнись лучше, – Литвиненко погасил окурок о каблук своего сапога. – В-третьих, я знаю что. Ты скажешь, что мы можем наехать на этого засранца, заместителя Ореховой. Ну, на Кобылкина можем наехать. Например, отвезти его за город, положить в гроб и закопать в землю. Часов на восемь. Чтобы он, сука драная, лежа в гробу на метровой глубине, подумал о вечных ценностях. И о прелестях мира. Так, я тебя спрашиваю?

Каширин молча пожал плечами. Хотя бы так, решил он, лишь бы деньги вернуть.

– А потом мы его откопаем и получим бабки, – продолжал Литвиненко. – Мне пришлось заниматься такими делами. И вот что я скажу. Часов за восемь, проведенных в гробу, в могиле, люди здорово умнеют. Мы закопали – откопали, закопали – откопали... А он лежит в гробу и умнеет сука, умнеет...

Литвиненко глубокомысленно поковырял в носу, вытащил оттуда длинный волос.

– Лежа в земле, люди начинают понимать: деньги не главное дерьмо на этом свете. А если человек не поумнел, значит, мало там полежал. Пусть еще десять часов отдохнет. Все рано заплатит. А когда заплатит, можно его зарыть и больше вообще не выкапывать. Такого много.

– Я и говорю, из Кобылкина можно выбить эти деньги, – сделал осторожный прогноз Каширин.

– Да, можно выбить, запросто, – согласился Литвиненко. – Это небольшая проблема. Сущий пустяк. Но теперь об этой возможности надо говорить в прошедшем времени. В прошедшем, догоняешь? Если бы ты пришел ко мне хотя бы в пятницу, этот вариант сработал. А ты вместо того, чтобы ко мне лететь... Ты полетел на крыльях любви к молодой жене, ее задницу чесать.

Каширин сжался в кресле. Сейчас ему хотелось схватить со стола тяжелую пепельницу, круто развернуться и со всего маху запустить ее острым краем в лысую башку Литвиненко.

– А сегодня, в понедельник, поздно заниматься этими делами, – Литвиненко плюнул на ковер. – Потому что Кобылкин слинял в Германию. В субботу, вечерним рейсом. Так донесла моя разведка.

– Значит, Кобылкин не поехал на поминки Ореховой? – тупо переспросил Каширин.

– На кой хрен ему эти поминки? – Литвиненко длинно матерно заругался. – Сейчас он наверняка в Штатах. Сто процентов. У него была открытая виза. Где прикажешь его искать? Где-то между канадской и мексиканской границей. Большой район поисков. А час назад мои ребята выяснили, что все счета этого долбанного "Степа" пустые. А те коттеджи, что они строили, уже проданы или заложены банкам. С них не хрена взять кроме конторских столов и устаревших компьютеров.

* * *

Каширин схватился руками за голову, до боли сжал ладонями виски. Значит, все было кончено еще в субботу. Точнее в пятницу. А еще точнее, в четверг. В тот самый день, когда погибла Орехова. Кобылкин подсутился, по фальшивым контрактам перевел деньги за границу, разбросал их по десяткам счетов в разных банках разных стран. А перед Кашириным на кладбище просто ломал комедию. Мать его... Его мать так...

– Тебе платят хорошую зарплату, – продолжил Литвиненко. – За что ее платят? Чтобы ты эффективно, с умом управлял чужими деньгами. Ты это понимаешь? Чужими.

– Помню, я об этом всегда помню, – кивнул Каширин. – Но до сих пор осечек не было. Я как мог...

Литвиненко выпятил нижнюю губу и снова сплюнул на пол табачную мокроту.

– Да не гони ты порожняк. Не было у него осечек. Ты дал три лимона своей бывшей любовнице, старой подстилке. Дерьмовой шлюхе дал деньги.

– Орехова не шлюха. Она надежный человек. И при чем тут любовница...

– Надежный. Ты даже не получил нормальное обеспечение кредита. Ты обосрался. Ты в дерьме по уши. И еще что-то вякаешь про арбитраж. Советы мне даешь. Пошел в задницу со своими советами. Теперь я тебя спрашиваю: что мы будем делать?

Во рту Каширина пересохло, он с трудом выдавливал из себя слова.

– Не знаю. Не знаю, что делать.

– Итак, три миллиона, плюс проценты, еще пол-лимона. Этот долг на тебе. Мой шеф хочет получить его через четыре дня. В субботу.

– Где же я возьму такие деньги?

– Срочно продавай эти чертовы алмазы. Залезай в долги. А пока я должен предпринять некоторые меры предосторожности. Начнем твоего недвижимого имущества. Прекрасный дом на Рублевском шоссе, зимним садом, сауной, джакузи, участок на тридцать соток. В твоём доме четыре сортира. Зачем тебе четыре сортира? У тебя много задниц? Ладно, этот домишко потянет тысяч на восемьсот долларов.

От волнения Каширин вдруг заговорил сиплым утробным голосом чревовещателя.

– Дом стоит миллион триста тысяч. Как минимум. Плюс земля.

– Заткнись, я сказал восемьсот, – ответил Литвиненко. – Далее. Четырех комнатная квартира на Ленинском. Ну, пусть будет для ровного счета двести тысяч. На твоём личном банковском счете полмиллиона долларов с копейками. Итого, ты стоишь полтора миллиона долларов.

Литвиненко вытащил из кармана бумажку, что-то нацарапал на ней, кинул бумажку на письменный стол Каширина.

– Это счет, на который ты сегодня же переведешь со своего счета полмиллиона. Сейчас же ты составишь бумаги: дарственную на свою квартиру и дарственную на загородный дом на имя Ступина, а также генеральную доверенность на мое имя. Клади свой паспорт на стол.

Каширин долго копался в карманах пиджака, пока не вспомнил, что паспорт в верхнем ящике стола. От волнения Каширина начала дергаться верхняя губа. Она поднималась вверх и опускалась вниз. Было щекотно. Неожиданный тик быстро прошел.

– Бери бумагу и пиши, – скомандовал Литвиненко.

Каширин и пальцем не пошевелил. Он сидел в кресле, словно манекен, и тупо разглядывал дверь своего кабинета, будто на ее гладкой поверхности вдруг проступил невиданной красоты восточный узор.

Тут неожиданно ожил сопляк в очках.

Он поставил кейс на стол, открыл крышку. Когда молодой человек поднялся со стула, в его правой руке Каширин увидел пистолет. Обогнув письменный стол, молодой человек подошел вплотную к Каширину. Приставил дуло пистолета к его виску.

Литвиненко, внимательно наблюдавший за этой сценой, сказал:

– Пиши. Иначе случится самоубийство. Финансисты нередко сводят счеты с жизнью. Прямо на рабочем месте. Знаешь, что произойдет после твоей смерти? Молодая и красивая жена удавится с горя. В одном из сортиров твоего дома удавится на бельевого веревке.

Каширин испытал странное ощущение. Он почувствовал, как под толстой кожей ботинок, под теплыми носками вдруг, за одно мгновение, пальцы на ногах похолодели. Сделались деревянными, чужими. Он пошевелил пальцами, убедился, что нижние конечности еще слушаются своего хозяина.

Литвиненко придвинул Каширину тонкую стопку белой бумаги и ручку.

– Пиши, я сказал.

Каширин сглотнул слюну.

Молодой человек, не отрывая дуло пистолета от виска Каширина, большим пальцем поставил курок в положение боевого взвода. Каширин снова пошевелил пальцами ног и подумал, что вот сейчас на этот стол, заваленный деловыми бумагами, вылетят его мозги. Крови будет много. На стеклах, на стенах. Молодой человек наверняка испачкает светлые манжеты рубашки. Жалко рубашку. И до Литвиненко долетят кровавые брызги, хотя тот и далеко сидит.

Каширин, чувствуя правым виском холод металла, взял ручку и под диктовку Литвиненко написал три документа: дарственные на загородный дом, на московскую квартиру и генеральную доверенность на имя Литвиненко. Затем он прочитал тексты и ужаснулся тому, что только что сделал.

Молодой человек отступил в сторону, положил бумаги, паспорт Каширина и пистолет в свой кейс, захлопнул крышку, щелкнул замками. Литвиненко впервые за весь разговор позволил себе улыбку, кривенькую, какую-то похабную.

– Не велики деньги два-то лимона. Я уверен, кентарь, ты успеешь собрать эту сумму за четыре дня. Если соберешь три лимона, получишь назад свою квартиру и чертов загородный дом с сортирами. У тебя есть друзья, у которых можно занять бабки. И, кроме того, есть эти

алмазы. Скидывай их. Кстати, не забудь сегодня же перевести деньги со своего банковского счета. Вон бумажка. Чтобы я больше тебе об это не напоминал. Врубился?

– Да, – кивнул Каширин. – А если не успею собрать два миллиона?

Каширин чувствовал приближение мучительного приступа головной боли. Литвиненко встал со стула, нагнулся вперед и своей лапой потрепал Каширина по щеке. Дружественный, примирительный жест. В понимании Литвиненко.

– Если я не успею? – снова спросил Каширин.

– Не задавай наивных вопросов, чувак. Ты сам все знаешь лучше меня. У тебя целых четыре дня в запасе. Только не теряй зря времени.

* * *

Трудно получить займы любую, даже самую скромную сумму, когда у тебя большие неприятности. Эту истину Каширин открыл для себя поздним вечером во вторник.

За вторую половину дня он предпринял, по крайней мере, полсотни попыток одолжиться. Он дважды перелопатил записную книжку, силясь найти номер того человека, который скажет "да". Но это слово, как на зло, исчезло из лексикона всех людей, которых еще вчера Каширин считал своими добрыми друзьями.

"Да ты что, такие бешеные деньги, – сказал друг юности, ныне влиятельный банкир. – Два лимона. Сейчас я сам думаю, у кого бы две сотни перехватить на недельку". "Слушай, я ведь на Бога ради прошу, – упорствовал Каширин. – И даже не как твой друг. Все официально. Ты получишь залоговое обеспечение от инвестиционной компании „Горизонт“. Технические алмазы ценой в три миллиона. Только после этого открываешь кредитную линию. Проценты по траншу я буду гасить ежемесячно, начиная с ноября. Всю сумму верну ровно через полгода".

Последовала долгая пауза. "Ладно, я подумаю пару недель над твоим предложением, – сказал банкир. – Но заранее ничего не хочу обещать. Такие вопросы решает совет директоров". Каширин чуть не застонал: "Я не могу ждать две недели, пока ты будешь думать. Мне срочно нужны деньги. Срочно". "Евгений, не будь ребенком, ты знаешь, как делаются такие дела", – ответил банкир чужим голосом.

Каширин нашел в себе силы еще на несколько подобных, похожих один на другой телефонных разговоров. Наконец, закрыл телефонную книгу и стал бродить по кабинету. Такое впечатление, что о его бедах знает уже вся Москва. У плохих известий длинные ноги. А ведь люди, с которыми он разговаривал, кое-чем обязаны Каширину. Он с ненавистью пнул ногой тумбу письменного стола.

– Суки. Твари неблагодарные.

Но если достать к субботе хотя бы половину требуемой суммы, один миллион долларов, можно просить Литвиненко об отсрочке следующего платежа. Литвиненко не откажет.

Если ты должен человеку пятьдесят тысяч долларов, считай себя трупом. Если ты должен два миллиона, кредитор не даст тебе ни то, что умереть, простудиться тебе не даст. Логика деловой жизни. Так утешал себя Каширин, но себе не верил. Главное сейчас добыть этот клятый миллион. А там видно будет, там уж он как-нибудь перекрутится. Глядишь, появится свет в конце тоннеля. Там, глядишь, само рассосется.

Только в десять вечера Каширин вспомнил, что внизу его дожидается водитель персональной машины. Вспомнил, но продолжал мерить шагами кабинет.

А может, прямо сейчас...

Каширин остановился под люстрой. Ведь есть же еще один вариант. Ехать в РУБОП, накатать там заявление. Так и так, сегодня в отношении меня имело место вымогательство. Преступники, угрожая оружием, физической расправой потребовали переоформить на свое

имя... Ну, и так далее. За вымогательство сейчас, не то, что в прежние годы, мотают длинные сроки. Да, теоретически такой вариант существует.

Вот только интересно, сколько времени проживет Каширин после того, как заявление попадет к ментам? Пару дней, неделю или целый месяц? И как он погибнет? Тоже вопрос. Автокатастрофа... Неосторожное обращение с огнем... Или просто пуля в подъезде того самого дома на Ленинском проспекте... Нет,дохлый это номер с РУБОПом.

Хуже всего сейчас приехать на Рублевку, увидеть Марину и начать разговор. Тягостный, ужасный разговор. Как, каким языком объяснить жене, что этот дом больше им не принадлежит? И городская квартира тоже им не принадлежит. Где найти те слова, чтобы объяснить необъяснимое?

Разумеется, после этой катастрофы, этого крушения, хорошей высокооплачиваемой работы Каширину уже не видать. Специальность финансиста придется забыть навсегда. Года через три он окончательно потеряет квалификацию. Чем жить?

Банковский счет пуст. Первое время можно перебиваться случайными заработками, он продаст "Лексус". Впрочем, и машину наверняка заберут за долги. Сегодня у Литвиненко до этой мелочи просто руки не дошли. Но что делать дальше? Брать в руки дворницкую метлу?

И, кстати, где теперь жить? В каком месте? Перебраться хотя бы на время к родителям Марины? Нет, этот вариант отпадает. Тесть старше Каширина всего на четыре года. Он такая грыжа, такой приставучий, гнусный мужик. Обожает вопросы с подковырочкой и обязательно задаст эти вопросы: "Вас, Евгений Викторович, за растрату уволили или как? Вы что же, украли чужие деньги? Это хорошо, что украли. Хоть на курорт нас с матерью отвезете за чужой-то счет. А судить вас будут? Ну, все, мать, суши сухари".

Паяц, шут гороховый. Он ненавидит Каширина. Прежде терпел, ясно, почему терпел, из-за денег. А теперь отыграется. Придется врать, изворачиваться, унижаться перед ним. Нет, этого, последнего унижения Каширин просто не вынесет. И теща станет подпевать мужу. Да они заживо сожрут Каширина. Без соли. И не подавятся.

Лучше снять квартирку, малогабаритную, самую дешевую. По деньгам. Теперь придется, хочешь, не хочешь, по одежке протягивать ножки. Каширин на минуту представил себе молодую красавицу жену, раздетую, ухоженную, облизанную персональной массажисткой и педикюршей. Представил ее в интерьере убогой малогабаритной конуры – и на душе сделалось совсем погано.

Вот Марина стоит у плиты и варит, помешивает в кастрюле вонючее, несъедобное варево из костей и мясных жилистых ошметков. Помещение тесной квартирки, заставленной чужой обшарпанной мебелью, насквозь пропитали миазмы бедности.

А он, Каширин, привыкший к кухне дорогих ресторанов, сидит за кособоким столом и облизывается. Он голоден, он отщипывает пальцами хлебный мякиш, бросает в рот скудные серые крошки. Он ожидает порцию этой горячей баланды, которая согреет его безутешную душу.

Возможно, он со временем даже привыкнет к такой жизни, к грошовому существованию полного жизненного банкрота. А Марина... Она сбежит куда угодно, без оглядки босиком сбежит после недели такой с позволения сказать жизни. Хотя терпения жены и на неделю не хватит.

Боже, от всего этого с ума сойдешь. Фирменно рехнешься, если заикнуться на таких мыслях. Хоть сейчас вызывай скорую психиатрическую помощь – и езжай в Кащенко.

* * *

Удача улыбнулась Каширину, когда он, ошалевший от головной боли и собственных мыслей, стоял у распахнутого окна. С высоты третьего этажа со смертной тоской в гла-

зах разглядывал черный политый вечерним дождем асфальт. На столе запищал телефонный аппарат.

Рухнув в кресло, Каширин снял трубку и узнал излучающий дружелюбие голос старого знакомого, американского бизнесмена Мартина Бентона. Каширин так обрадовался этому звонку, что забросил ноги на стол. И как он раньше не вспомнил о Бентоне? Американец ворочает большими деньгами, очень большими, в его силах помочь Каширину. Поприветствовав старого знакомого, перекинувшись общими фразами, Каширин перешел к делу.

– Два миллиона долларов наличными? – переспросил американец.

Бентон почти свободно разговаривал на русском языке.

– Всего-навсего два миллиона, – через силу пошутил Каширин. – Под хорошую гарантию. В обеспечение кредита я предоставляю технические алмазы. Они оценены экспертами в два с половиной миллиона. Заключение у меня на руках. Алмазы в сейфе.

– Если это так важно для тебя, приезжай прямо сейчас, я в своем офисе, – сказал Бентон. – Я не доверяю телефонам.

Бентон не доверял не только телефонам. Он не доверял почти всем русским людям. Возможно, в этом недоверии таилась разгадка его финансовых успехов.

Несколько лет назад Бентон, полный самых масштабных планов и здорового оптимизма, прилетел в Россию, чтобы здесь продолжить свой бизнес. На третий день своего приезда Бентон пешком прогуливался по городу, наслаждаясь красотой древней столицы. Черт дернул Бентона пересечь мост через Москву реку и оказаться на заплеванной территории оптового рынка, примыкающего к Киевскому вокзалу.

Другой черт дернул Бентона купить у лоточника три жареных пирожка с мясом. На обратной дороге Бентону стало плохо. Следующие два дня американец провел в реанимации института Склифосовского, где бригада врачей с трудом отстояла его жизнь.

Со времени своего отравления и чудесного воскрешения Бентон сильно изменился. Бизнес в России он все-таки начал. Но из оптимиста, человека широких взглядов он превратился в осторожного, подозрительного ретрограда. Правда, подозрительность Бентона распространялась не на всех русских, Каширин был приятным исключением. В свое время он кое-чем помог Бентону. Американец помнил добро.

Переговоры Бентона и Каширина закончились далеко за полночь. Каширин, отпустивший своего водителя, заказал такси и вышел на улицу расслабленной вихляющей походочкой. Он не был пьян, он был счастлив. Каширин сел в поджидавшую его желтую машину с шашечками и велел водителю ехать на Рублевку.

"Если это сладкий сон, то пусть я лучше не просыпаюсь", – думал Каширин.

Глава четвертая

Рогожкин сидел на кухне и, мерно позвякивая ложкой о дно тарелки, завершал свой обед. Скромное меню состояло из горохового супа и куска вареного мяса из той же кастрюли. Рогожкин посмотрел на часы и решил: спешить некуда, время в запасе есть.

До места работы рукой подать. Всего два квартала, отделяли его от музея трудовой славы машиностроительного завода, где Рогожкин занимал скромную должность экскурсовода. Хочешь, езжай в музей на автобусе, хочешь, пешком прогуляйся.

Рогожкин водил экскурсии по трем тесным залам заводского музея четыре раза в неделю. Платили в музей не то чтобы много. И не то чтобы регулярно. Да и сама заводская слава, в честь которой и был создан музей, в свете последних веяний времени представлялась вещью эфемерной, даже сомнительной.

Но такая работа имела целый ряд преимуществ. Главное – она давала экскурсоводу много свободного времени. Не нужно ежедневно восемь часов протирать штаны в присутственном месте, крутить баранку или стоять у станка. Провел экскурсию – и свободен.

Он устроился в музей по знакомству полтора года назад, решив, что трудовая книжка должна быть где-то пристроена. Производственный стаж – не последнее дело, не пшик, не хвост собачий. И опять же пенсия... Впрочем, что толку заглядывать в дальнюю даль? Составиться, дожить до этой пенсии, если срочно не завязать с угоном автомобилей, шансов так уж немного. Обязательно нарвешься на большие неприятности, рано или поздно нарвешься. А там уж жизнь пойдет только под гору.

Рогожкин поставил тарелку в раковину, прошел по коридору в свою комнату, надел, светлую рубашку, скромный серый костюм, повязал галстук. Он причесывался перед зеркалом шкафа, когда затрещал телефон. Рогожкин вышел в коридор, снял трубку. Голос Чулкова показался слишком напряженным, деревянным.

– У нас неприятности, – сказал Чулков.

– Какие неприятности? – не сразу сообразил Рогожкин.

– Серьезные. Вчера вечером в гараж к Рифату приехали какие-то мужики. Избили его в рабочем кабинете. Так отделали, что все стены кровью забрызганы. Потом затолкали в багажник нашего "Мерседеса" и увезли неизвестно куда.

Вместо ответа Рогожкин присвистнул.

– А сегодня утром в гараж нагрянули менты, – продолжал тяжело дышать Чулков. – Московские омонцы, следовательно с Петровки и еще целая свора народа. Не поймешь откуда. Провели обыск, выемку документов, опечатали помещения. Короче – полный мрак. Правда, никого не задержали. Механики уже разбежались.

– Откуда ты все это знаешь?

– Механик звонил, Борисыч. Это все не телефонные разговор. Я и так много чего сказал. Чего не следовало. Хотя прослушку на твой аппарат вряд ли накинута. Надо срочно увидеться. Срочно.

– У меня экскурсия через час начинается.

– Да пошла она к матери твоя экскурсия. Дело пахнет вазелином, подставляй одно место – так вопрос ставится. Надо что-то решать.

Рогожкин потер ладонью лоб. Он думал, что сегодняшнюю экскурсию школьников старших классов отменить уже нельзя, слишком поздно ее отменять. Но закруглить всю эту бодягу по быстрому, в темпе вальса – это реально, это запросто.

– Не могу я отменить экскурсию. Но быстро все закончу. Давай в семь в "Поднебесье", лады?

– Только без опозданий, – Чулков положил трубку.

Рогожкин выглянул за окно: тучи, с утра ходившие по небу, разродились проливным дождем. Пройдя в коридор, он сел на низкий стульчик, придвинул к себе начищенные до блеска ботинки.

Из своей комнаты вышел отчим Сергей Степанович, всклокоченный и небритый. В своей полосатой пижаме он напоминал очумелую зебру, вставшую на задние копыта. Он остановился перед пасынком и стал внимательно наблюдать, как тот завязывает шнурки.

– Доброе утро, – сказал отчим.

– Добрый вечер, – ответил Рогожкин.

– Разве? – удивился Сергей Степанович.

Рогожкин, надевая плащ, придумывал новую остроумную колкость.

– Я уйду на работу, – сказал он. – А вы на работу сегодня не собираетесь? А, совсем забыл... Вас же сократили. Впрочем, могу помочь вам с работой. Замолвить словечко.

– Спасибо, ты меня, кандидату технических наук, уже предлагал определить должность. Мусорщика на заводе.

– А хоть бы и мусорщика. У нас любой труд почетен. Лишь бы деньги платили.

Рогожкин закрыл за собой дверь и пешком спустился вниз. Три месяца назад отчима турнули с должности инженера. С тех пор он томился дома от безделья, то ли переживал по поводу своего увольнения, то ли делал вид, что переживал. Сергей Степанович вяло подыскивал себе новое место, обзванивал знакомых, слонялся по квартире в своей полосатой пижаме и брэнчал на гитаре.

Рогожкин раскрыл зонт и заспешил к остановке автобуса. На сердце было тяжело и тревожно.

* * *

Группа девятиклассников во главе с очкастой учительницей неопределенных лет тесно обступила Рогожкина и, казалось, внимала каждому слову экскурсовода. Ребятишки слушали внимательно, учительница часто дергалась: то теребила складки строгого жакета, то поправляла на носу косо сидящие очки с выпуклыми линзами.

Помещение заводского музея с высокими мутными окнами, казалось, насквозь пропиталось нафталином и пылью веков. Все три маленьких зала тесно заставлены макетами тепловозов, электровозов, двигателей, спрятанными под колпаки из прозрачного оргстекла. Стены чуть не до потолка завешаны стендами с фотографиями известных личностей, трудившихся на заводе или посещавших его еще со времен царя Гороха до наших дней. На полках и стендах навалены образцы бытовой мелочевки, которую сегодня штамповали на заводе.

– Взгляните сюда. Это Юрий Семенович Фроловцев. Его биография удивительна, похожа на приключенческий роман. Он пришел на завод, когда ему еще не исполнилось шестнадцати. Встал к токарному станку...

Рогожкин поднял кверху указку, прикоснулся ее острым концом к фотографии мордастого хмыря в пенсне, помещенной посередине стенда. Фотография Фроловцева, имевшего удивительную биографию, заметно поблекла, ее глянцевая поверхность облупилась оттого, что в нее регулярно, четыре раза в неделю, тыкали острым концом металлической палочки.

– ... Через полгода экспедиция капитана Фроловцева достигла полюса. Там Фроловцев убил белого медведя. К сожалению, чучело белого медведя до наших дней в музее не сохранилось. Сгорело при пожаре шестьдесят третьего года.

Первое время Рогожкин робел перед экскурсантами, в основном школьниками и пэт-эушниками, страдал от собственного косноязычия. Но быстро вжился в роль, теперь над прежними комплексами можно только посмеяться. Однако сегодня от экскурсовода отвле-

кали плохие мысли, зароившиеся в голове после разговора с Чулковым. Рогожкин говорил не слишком складно, иногда путался в словах. К тому же он часто совершенно не к месту употреблял засевшее в голове словосочетание "так называемый". Рогожкин говорил:

– На полную мощность завод начал работать в начале тридцатых годов. Многие для становления предприятия сделал его первый так называемый директор Сизов. И сегодня, в трудные времена, так называемая администрация делает все, чтобы коллектив был сохранен. Так называемый коллектив...

Рогожкин показал на действующий макет дизеля, выполненный в масштабе один к двумстам.

– А здесь вы видите агрегат, который одним из первых был запущен в так называемую серию. Это произошло... Вот, пожалуйста... Так называемый агрегат работает...

Рогожкин решил не запускать макет, чтобы попусту не отнимать время у себя и у школьников, которые, разумеется, не по собственной воле оказались в заводском музее. Он, не задумываясь, машинально лепил фразы, как лепят пельмени. И думал о другом: что за люди избили Рифата и куда его увезли?

Ясно, приходили не милиционеры. Эти не станут избивать человека в рабочем кабинете, для мордобоя есть другие, более подходящие места. Тогда кто же приходил к Рифату? Возможно это давние враги. Пришли, чтобы свести счеты, успокоил себя Рогожкин. Мало ли у Рифата врагов?

– На этой фотографии вы видите, как знаменитый скрипач Давид Ойстрах, побывавший на нашем заводе, знакомится с устройством дизельного агрегата. Вдохновленный дизелем Ойстрах дал на заводе так называемый концерт.

О самом плохом думать не хотелось. Не хотелось сказать правду самому себе. Истина, похоже, совсем безрадостна. К Рифату приходили друзья мужика, убитого на бензоколонке. Чулков сказал, что Рифата затолкали в багажник "Мерседеса". Того самого "Мерседеса". Наверняка Рифата уже нет в живых. И умер он не самой легкой смертью, плохой смертью умер человек.

А перед смертью ему задали кое-какие вопросы и постарались, чтобы татарин ответил на эти вопросы честно, искренне. Постарались, чтобы он не соврал, чтобы сказал правду. Спросили, например, кто именно угонял тачку? Кто пришел ее хозяина? Но Рифат большой упрямец. Но если он что-то сказал... Быть беде.

Рогожкин взглянул на наручные часы. Что ж, он честно отбарабанил целый час. Много басен рассказал. Теперь пора все это закруглять.

– Многие из вас придут сюда, на наш завод, – он обвел притихших школьников строгим взглядом. – Придут, чтобы здесь, в этих стенах, выражаясь высоким штилем, написать так называемые трудовые биографии. Написать их на чистом листе своих судеб. Так называемых судеб... Что ж, в добрый час, скажу я вам. В добрый час. На заводе ждут вас. С нетерпением.

Рогожкин положил указку на стол.

– А теперь можете задавать вопросы.

– А вы сами, разумеется, стояли у станка? – спросила учительница.

– Да, разумеется, – кивнул Рогожкин. – Не стоял. То есть стоял. Но не на этом заводе. На другом стоял.

Учительница осталась довольна содержательной экскурсией. Рогожкин отвел ее в сторону и предложил написать пару строк в книге отзывов. Свои впечатления от музея и от экскурсии. Пусть у директора музея, любившего просматривать книгу отзывов, об экскурсии останется хорошая память.

* * *

Рогожкин купил у метро скромный букет из пяти белых гвоздик. В ресторане-казино "Поднебесье" он был своим человеком. Поэтому внутрь он зашел не через парадный подъезд, как другие посетители, а через служебный вход. Пожал руку охранника, скучавшего на вахте.

– Светка пришла? – спросил Рогожкин.

– Пришла недавно, – охранник зевнул. – Что-то ты с цветами. Как жених.

– Вот как раз сегодня хотел ей предложение сделать, – то ли пошутил, то ли сказал правду Рогожкин.

По винтовой металлической лестнице поднялся на второй этаж, прошел длинным узким коридором в гримерную, где переодевались к выходу на сцену артисты кордебалета. Не постучавшись, толкнул дверь в конце коридора, как раз напротив женского туалета. До начала выступления оставался час с хвостиком, поэтому в гримерной сидели только две девушки. Светка в одном углу, ее подруга в другом, каждая у своего зеркала.

– Здравствуйте всем.

Рогожкин закрыл за собой дверь, стянул с себя плащ, пристроил его на вешалке. Он подошел к Светкиному столику, опустил цветы в вазу. Чмокнул девушку в подставленную для поцелуя щеку, сел на свободный стул рядом с ней.

– Когда даришь девушке цветы, снимай с них целлофан, деревня, – сказала Светка.

– Виноват, исправлюсь.

Светка придвинулась ближе к зеркалу.

– Кстати, для музейного работника ты слишком много зарабатываешь. Подозрительно много. Подозрительно. Почти каждый день подарки. То цветы, то конфеты.

Светка криво усмехнулась. Цветы и конфеты она, артистка кордебалета, разумеется, за подарки не считала, но и на более серьезные подношения кавалера не рассчитывала. Светка поплевала на кисточку и стала подкрашивать ресницы. Рогожкин понял, что сегодня поговорить вряд ли удастся. У него плохое настроение. Светка тоже не в духе, значит, лучше не начинать. Но другого времени уже не будет.

– А мне цветы забыл купить? – скала другая девушка. – Обещал ведь.

– Денег у него не хватило, – ответила за Рогожкина Света.

Кажется, эту вторую девушку звали Верой. Рогожкин точно не помнил, как зовут девушку, поэтому, обращаясь к ней, постарался не называть имя.

– Погода сегодня, еще та, – сказал он. – Не летная погода. Совсем замерз.

– Иди в бар, летчик, согрейся, – ответила то ли Вера, то ли не Вера, продолжая водить темным карандашом вдоль бровей.

– Так я и сделаю, – он протянул руку, тронул Светку за плечо. – Я хотел поговорить. Может, в коридор выйдем?

Рогожкин подумал, что, может, в коридор выйдет Вера. Но та, кажется, не понимала намеков.

– Говори здесь, – ответила Светка. – Какие секреты?

– У меня проблемы, – начал Рогожкин.

– У всех проблемы, – продолжила за него Светка. – На работе получил выговор?

– А меня серьезные проблемы. Большие неприятности. Возможно, мне придется на время ухать из Москвы. Не знаю точно.

– Что не знаешь точно?

– Не знаю, нужно ли мне уезжать из Москвы.

Рогожкин хотел продолжить свою мысль. Хотел сказать: "Уезжать мне из Москвы или здесь, сидя на заднице, дожидаться смерти. Дождаться, когда меня найдут и открутят к чертовой матери голову". Но произносить эти слова в присутствии Веры по крайней мере не очень умно. А, может, и Светке не обязательно знать о его неприятностях. Рогожкин замолчал, решив, что сказал все, что хотел сказать.

Светка отнеслась к сообщению очень спокойно, даже не отложила в сторону кисточку. Рогожкин, уязвленный таким равнодушием, пожал плечами. Что тут скажешь? Тут Вера подала голос из своего угла.

– Кажется, Василевская собралась делать операцию на носу. Давно пора. Я вообще не понимаю, как с таким длинным носом ее выпускают на сцену.

– Розинбергу нравятся носатые бабы, – сказала Светка.

Рогожкин вспомнил Розенберга, плешивого театрального продюсера, по совместительству ведавшего кордебалетом в казино.

– Точно, после операции Розенберг ее бросит, – заключила Вера.

Рогожкин принялся. Вентиляция в ресторане-казино была устроена таким странным образом, что в гримерную проникали запахи кухни. Почему-то самые неаппетитные, самые неприятные запахи. В настоящей момент в гримерной пахло прокисшим луковым супом и подгоревшей гречневой кашей. Эти запахи будоражили воображение. Рогожкину, ощущавшему приступы аппетита, мгновенно расхотелось ужинать.

– Может, сегодня после твоего выступления, куда-нибудь сходим? – спросил Рогожкин.

– Сегодня не могу. Дела.

Света не потрудились объяснить, какими делами занята вечером. Она поднялась со стула, взялась за края кофточки, сняла ее через голову, бросила на спинку стула. Затем расстегнула "молнию" юбки, бросила юбку на стул, стянула колготки. Сняла бюстгальтер, оставшись только в темных трусиках.

Светка совершенно не испытывала неудобства от присутствия Рогожкина, будто перед ней на стуле сидел не молодой мужчина, а некое бесполое существо или просто не одушевленный предмет. Рогожкин внимательно разглядывал голую белую спину и то, что пониже спины. Если посмотреть в зеркало, была видна Светкина грудь.

– Подари мне свою фотографию, – вдруг попросил Рогожкин. – Ну, на память. Может, не увидимся больше.

– Увидимся, – ответила Светка.

Но просьбу выполнила. Оставаясь в чем мать родила, если не считать темные трусики, полезла в ящик гримерного столика, вытащила оттуда цветное фото, протянула Рогожкину. Тот сдул с фотографии сухую пудру, стал разглядывать снимок.

Светка застыла на эстраде, улыбается, раскинув в стороны руки. Из одежды на ней – лишь красный лифчик, расшитый блесками, такие же трусы. На голове высокий развесистый убор из серебряных перьев. Красота. Рогожкин сунул карточку в карман, встал, еще раз глянул на Светку. Дама сердца подтолкнула поклонника к двери.

– Все, иди, иди – сказала она. – Сейчас девчонки придут. А бесплатный стриптиз ты уже видел.

* * *

Рогожкин занял место на высоком мягком табурете у барной стойки, оглядел почти пустой ресторанный зал, еще темную эстраду и принялся разглядывать красивые бутылки на полках. Народ начнет подсасываться через полчаса, не раньше. Часов в восемь в зале выключат верхний свет, зажгут на столах свечи, на эстраду выбегут девочки и начнется веселье. Так называемое веселье, поправил себя Рогожкин.

– Чего тебе?

Костя, молодой костлявый бармен, очень торжественный, в белой рубашке и темной бабочке встал напротив Рогожкина, поставил локти на стойку.

– Пивка кружечку.

Вот и у этого сегодня плохое настроение, – решил Рогожкин, едва глянул в сумеречное лицо Кости. Бармен и вправду был мрачнее тучи.

Перед открытием заведения в подсобке он разбавлял красное французское вино неизвестного происхождения сивухой. Расставив полупустые бутылки перед собой на столе, Костя через воронку доливал в благородное вино самопальную красноватую жидкость. Затем припадал губами к бутылочным горлышкам, пробовал полученное пойло на язык, сплевывал в раковину.

Но раньше времени явился ресторанный метрдотель, вечно сующий нос не в свои дела, сделал замечание. Пришлось сворачивать бурную деятельность. Метрдотель мог пожаловаться непосредственному начальнику Кости. Удалось разбавить лишь три бутылки, мало-вато. А за вечер через бар уходило не меньше восьми бутылок французского красного.

Костя поставил перед Рогожкиным кружку светлого пива и, пока не было других посетителей, решил переброситься с ним парой слов.

– Чулков заходил, – сказал бармен. – Тебя ждал. А потом ушел. Сказал, что скоро вернется. Похоже, у вас неприятности.

– С чего ты взял?

– В зеркало посмотри на себя, поймешь. Кстати, Светка вчера после выступления села за столик одного типа. Так Светка прямо в купальнике, в котором выступала, села за его столик. Потом сходила переоделась. Они вдвоем посидели еще часок. А потом отчалили. Делай выводы.

Костя поднял кверху длинный указательный палец.

– Что за тип?

– Он тут появляется время от времени. Очень богатый чувак. Дорогой прикид, золотая цепь, браслеты толщиной в палец. Довольно молодой, но уже с третьей женой развелся. Похоже, у них у них со Светкой роман наклевывается. Уже наклюнулся. Может, этот хрен и сегодня придет. Будь готов. Если этот чувак сюда явится сегодня, ты знаешь, что делать.

– Что именно?

Рогожкин в два глотка выпил половину кружки.

– Вымой ему голову в унитазе.

– Мне сейчас не до этого хмыря.

– Тогда считай, ты получил у Светки отставку. У тебя никаких шансов.

* * *

Рогожкин наблюдал, как через наполнявшийся посетителями зал к бару шагает Артем Чулков. На плече большая нейлоновая сумка. Чулков, бросил сумку под стойку бара, пожал руку Рогожкина и забрался на табурет.

Костя поставил перед ним кружку пива. Чулков помолчал, дожидаясь, пока Костя отойдет к другому краю барной стойки, где только что устроилась средних лет парочка. Мужчина в темном костюме и дама в норковом палантине, прикрывающим голые плечи.

Осветилась сцена, заиграла тихая музыка.

– Могу предложить красного французского вина, – голос Кости стал едва слышен. – Чудесное вино, прямо из Бордо. Рекомендую.

– Хорошо, – ответил мужчина. – Налейте два бокала.

– Значит, дела такие, – сказал Чулков. – Мы поймали не того человека. Хозяин этого проклятого "Мерседеса" какой-то московский авторитет. Люди, которые увезли Рифата, бандиты. Теперь, после того, как они разобрались с татариним, станут искать нас с тобой. Сегодня авторитета хоронят. Его друзьям пока не до нас. А завтра – будут настоящие неприятности. Жди.

– Уже жду, с утра, – кивнул Рогожкин. – Случилось худшее. Это я понял по твоему голосу, когда по телефону разговаривали. Но как бандиты вышли на след? Всего два дня назад мы пригнали тачку к Рифату – и нате, все уже известно. Слишком скоро все случилось. Скорее некуда.

Чулков пригладил ладонью рыжую шевелюру.

– Я посоветовался с умным человеком. Только что от него, разговаривали в его тачке. Я все рассказал, как есть. Шаг за шагом. Короче, мы сами напортачили. Когда взяли машину, поехали к Рифату, то воспользовались мобильным телефоном. Помнишь, там был мобильный телефон? Ты набирал номер Рифата.

– Ну, помню.

Рогожкин не стал задавать лишних вопросов, мол, откуда эта информация. Не стал спрашивать, с каким умным человеком советовался Чулков. И так все ясно. Двоюродный брат Артема – старший следователь по надзору городской прокуратуры. Хороший советчик и информированный человек. Видимо, поделился тем, что знает. Дал парочку бесплатных советов.

– Когда нашли труп, менты заинтересовались, был ли у покойного мобильный телефон. А дальше побывали в компании, в которой обслуживался абонент, взяли распечатку телефонных звонков, которые были сделаны с этого аппарата. Они ведь там фиксируют все. Кто звонил, кому... Выяснилось, что последний звонок был сделан в этот гараж, Рифату. По номеру определили адрес...

– Понимаю, мы погорели на молоке. Все ты: звони с этого телефона, зачем будку искать. Все ясно. Но вот вопрос: почему первыми к Рифату приехали бандиты, а не менты?

– Да потому что какой-то мать его урод продал ментовскую информацию бандитам. Потому что и ментам деньги нужны, а информация – тот же товар. У них это называется утечкой. А в переводе на русский язык – смертный приговор. Тебе и мне.

Рогожкин мысленно согласился с Чулковым. Он прав. Бандиты не станут разбираться, кто совал перо хозяину "Мерседеса", а кто в стороне стоял. Прихлопнут обоих. Но если повяжут менты, тоже радости мало. В следственном изоляторе вряд ли удастся пережить хотя бы одну единственную ночь. Проснешься утречком, а сокамерники твоей головой в футбол играют. Сдаться ментам – та же смерть. Только отсроченная, ну, может, дня на два, на три. Два-три дня – это не существенно. Итак, что же делать?

– Что же делать? – спросил Рогожкин вслух.

Чулков в ответ пожал плечами. Видимо, какой-то спасительный вариант ему уже предложил брательник. Все понятно и без глупых вопросов. Надо сваливать из города. Чем скорее, тем лучше. А Чулков молодец, пришел сюда с сумкой. Видно, заранее собрал свои пожитки, домой нынешним вечером возвращаться не собирается. Предусмотрел вариант поспешного отступления, подготовил запасной аэродром.

Бармен Костя остановился с другой стороны стойки напротив Рогожкина, кивнул головой куда-то в зал и, скорчив страшную рожу, заговорщицки заморгал глазами. Рогожкин не сразу понял язык мимики и жестов. Костя, не двигая губами, прошипел:

– Только не оборачивайся в зал прямо сейчас. Вон тот чувак, новый друг твоей Светки. Третий столик прямо от тебя. Он чернявый такой, в синем костюме. Кстати, его зовут Гарик.

Дождавшись, когда бармен отойдет в сторону, Рогожкин повернул голову влево, отсчитал третий столик. Сидят два здоровых коротко стриженных парня, один в сером, другой в

синем костюме. Действительно, солидный чувак, лет тридцать с лишним, ботинки из крокодильей кожи. Судя по золотым цепям – крутой. Рогожкин тронул Чулкова за плечо.

– Вот за третьим столиком от нас сидит новый кадр Светки.

Чулков даже головы не повернул.

– Да хрен с ним, с кадром. И со Светкой твоей тоже. У тебя жизнь висит на волоске, а ты голову забиваешь ерундой.

– Да, да, конечно.

Рогожкин вслух согласился, но продолжал краем глаза наблюдать за третьим столиком. Про себя он решил, что рожа у Гарика на редкость паскудная. И что только Светка нашла в этой сволочи с собачьим ошейником на шее?

Мужчина в синем костюме поднялся на ноги, что-то сказал своему собутыльнику и пошел через зал к выходу. Рогожкин снова тронул Чулкова.

– У тебя пушка та, ну, которую ты забрал на автозаправке... Пушка с собой?

– Вон, в сумке, – Чулков показал пальцем вниз, под стойку бара. – Сверху шмотья лежит. Затем тебе пушка?

– А вдруг у него свой ствол имеется?

– Ну и дурень же ты, – сказал Чулков. – Какой же ты дурень. Отморозок.

Рогожкин присел на корточки возле сумки, расстегнул "молнию", нашарил пистолет, сунул его под брючный ремень. Встал, прикрыв полой пиджака торчащую из-за пояса рукоятку пистолета.

– Я скоро вернусь, – сказал Рогожкин. – Хочу тому мужику пару слов сказать.

* * *

В ресторанном туалете, отделенным от фойе двумя дверьми и тамбуром, стояла такая звонкая пронзительная тишина, что было слышно, как капает вода из крана.

Рогожкин огляделся по сторонам: у писсуаров никого. Видимо, Гарик уже зашел в кабинку. Рогожкин медленно опустился на колени, прижал ладони к кафельному полу, наклонил вниз голову. Из этой позиции можно увидеть ботинки из крокодильей кожи, покрытые слоем лака. Такие блестящие ботинки, будто их хозяин только что помочился на собственную обувь.

Так, занята одна кабинка из пяти, вторая от стены.

Рогожкин встал на ноги, неслышно подкрался к двери, обеими руками обхватил ручку, развернув плечо, резко дернул ее на себя. Металлический крючок, державший дверь с другой стороны, вылетел из гнезда.

– Какого хрена? – спросил Гарик и замолчал.

Поклонника Светки Рогожкин настиг не в самый подходящий момент. Гарик, повернувшись задом к унитазу и лицом к открытой двери, стоял перед Рогожкиным совершенно беззащитный, не способный к сопротивлению. Обеими руками он поддерживал спущенные штаны. Видимо, рассчитывал хорошо, в свое удовольствие посидеть в кабинке. Предусмотрительно снял пиджак и повесил его на гвоздик, вбитый в фанерную перегородку, на бачок унитаза положил свернутую трубочкой газету. Значит, собирался еще и почитать.

Застигнутый врасплох, Гарик не знал, что делать. То ли снова надевать брюки, то ли... Окончательное решение он так и не принял. Гарик увидел за поясом бесцеремонного молодого человека, за брючным ремнем, рифленую рукоятку пистолета. И быстро понял, что в его положении безопаснее не делать резких движений, не выражать возмущение и вообще не выступать.

Рогожкин шагнул вперед.

– Ты Гарик? – спросил Рогожкин.

– Да, я это он. То есть, я это я.

Рогожкин выхватил из кармана фотографию Светки и сунул ее под нос мужчины.

– Узнаешь ее? – спросил Рогожкин.

– Не узнаю. То есть узнаю.

Гарик подтянул кверху штаны, хотел застегнуть "молнию", но не успел.

– Так вот, она тебе передает... Привет передает.

Рогожкин убрал фотографию в карман, развернулся и слева съездил Гарика по зубам. Тот поднял руки, закрывая лицо. Штаны упали на пол.

– А вот тебе от третьей жены привет.

Рогожкин справа ударил конкурента в верхнюю челюсть. И добавил слева по носу.

Гарик тяжело плюхнулся задом на унитаз, спиной сдвинул с места бачок. Закрыв глаза, откинул назад голову. Кажется, вырубился. Рогожкин пошарил руками в карманах висящего на гвоздике пиджака. Бумажник, паспорт, водительские права, сигареты, зажигалка.

Рогожкин не тронул чужой бумажник, а паспорт и водительское удостоверение переложил в свой карман. Затем он сдернул с шеи Гарика золотую цепь, зашел в соседнюю кабину. Бросив цепочку в унитаз, спустил воду. Гарик, запрокинув голову назад, продолжал сидеть на унитазе. Он пускал розовые слюни на белую сорочку и, выдувая из носа кровавые пузыри.

Гарик начал тихо стонать, видимо, через пару минут придет в себя, бросится на поиски своего обидчика. Или не бросится... Это не уже важно. Рогожкина к тому времени здесь не будет.

* * *

Выйдя из туалета, он пересек фойе, заполненное снующими взад-вперед людьми. Что за кипеш? В ресторанном зале Рогожкин заметил, что за короткое время его отсутствия здесь произошли большие перемены. Музыка перестала играть, освещенная эстрада снова погрузилась во тьму, зато включили верхний свет.

Опрокидывая стулья, навстречу Рогожкину спешили люди. Протолкавшись сквозь толпу, Рогожкин нос к носу столкнулся с барменом Костей, тоже бегущим к выходу. Ухватил того за руку, притянул к себе.

– Что тут стряслось?

– Чулков... Там... Там...

– Что там?

Кажется, страха или от волнения у Кости зуб на зуб не попадал.

– Пришли два парня. Подошли к Чулкову. И спрашивают: ты Чулков? Он ответить не успел. Короче, его пристрелили.

– Какие парни? Как пристрелили?

– Из двух пистолетов.

– Подожди.

– Отстань ты, отстань...

Костя вырвал рука и побежал дальше.

Рогожкин прошел несколько метров и остановился. Под стойкой бара, свернувшись калачиком, на боку лежал Артем Чулков. Под его рыжей головой образовалась небольшая кровавая лужица. Эта лужица все увеличивалась, росла прямо на глазах.

Рогожкин сорвался с места, бросился за сцену, к служебному выходу. Попетляв по коридорам, подбежал к дверям, ведущим на улицу. Знакомый охранник, не имевший права бросить пост, застыл в ожидании новостей.

– Ну, чего там? – спросил охранник.

– Пришили кого-то, – выдавил из себя Рогожкин. – Вызывай милицию.

Уже выскочив на улицу, под дождь, он вспомнил, что забыл плащ и зонт в гримерной. Но не возвращаться назад же из-за таких мелочей.

Глава пятая

В среду Каширин заметно ожил, даже повеселел.

Первую половину дня Каширин провел в хлопотах. К субботе Мартин Бентон должен перевести на счет инвестиционной компании "Горизонт" два миллиона долларов. Передачу алмазов назначили на завтра.

Каширин заперся в кабинете, чтобы подготовить все сопроводительные документы и, главное, привести в порядок собственные мысли. Кое-как покончив с писаниной, он заварил в чашке кофе, расслабил узел галстука и сунул в рот сигарету. Свет не без добрых людей, пусть даже эти люди подданные Соединенных Штатов. Когда два миллиона долларов, грубо говоря, в кармане, а самые худшие страхи позади, можно спокойно подбить бабки.

Да, он потерял многое. Сгорели деньги на личном банковском счете, псу под хвост квартира на Ленинском проспекте. Кстати, купленная и отремонтированная всего полгода назад. Квартира, которую он даже не успел до конца обставить приличной мебелью, в которой прижиться не успел.

А загородный дом... Это уж душевная боль совсем особого свойства. Кровоточащая рана на сердце. Но дом остался в прошлом, и эта страница жизни перевернута. Нужно быть мужчиной. Сорок девять лет, еще рано ставить на себе крест. А Марина... Все неприятные известия, всю правду Каширин сообщит ей завтра.

Он хорошо подготовится к разговору с женой, обдумает каждое слово, каждый жест. Он посвятит этому разговору весь вечер. Прогнозируемые последствия? Истерика – это раз. Слезы – само собой. Легкий обморок, переходящий в глубокий сон – вполне возможно. Но не более того. Нужно лишь правильно построить беседу. Начать, скажем, с рюмки хереса. Это для расширения сосудов.

Слезы на женских щеках быстро высохнут. Ведь не молодая жена наживала своим потом и умом потерянное добро. Утром Каширин уже позвонил знакомому управляющему автосалоном, предложил купить по сходной цене свой почти новый "Лексус". Денег от продажи машины хватит хотя бы на первое время, а там уж все постепенно войдет в новую колею. И жизнь покатится дальше.

Марина любит Каширина. Хочется в это верить. Если так, сможет понять: карьера финансиста, это все равно, что работа сапера. Ошибки дорого стоят. Главное – Каширин жив. С него не сняли скальп. Ему не сделали массаж ниже живота и не спустили отрезанную мошонку в сортир. Все остальное в сравнении с этим – ничего не значит.

Тогда, после прошлого развода с женой и раздела имущества, когда все оно, это имущество, почему-то досталось бывшей супруге и ее любовнику адвокату, Каширин тоже начал почти с нуля. Но ведь сумел же он быстро подняться. Есть связи, есть знакомства, есть добрая репутация.

Да, один раз он уже начинал жизнь сначала. Больше не хочется. Но придется.

Не все так плохо. И вообще: хватит самоедства. Сейчас можно бы спуститься в итальянский ресторанчик, хорошее заведение. Он заслужил второй завтрак: макароны с куриным фаршем, политые томатным соусом, фруктовый десерт. Да, для поднятия тонуса нужно выпить чего-нибудь красненького, с градусами. "Кьянти" подойдет. Пара стаканов. Каширин минуту раздумывал, не взять ли с собой на обед и Рахинсона. Юрист не такой уж зануда, знает много еврейских анекдотов, с ним можно весело посидеть. Но тащить Рахинсона на обед именно сегодня, нет, это не слишком умная мысль. Юрист наверняка заиклился на иске в арбитраж и тех убытках, которые, по его мнению, понесет "Горизонт".

Сегодня он не интересный собеседник.

Каширин отправился в ресторан один. За обедом, продолжавшимся добрых полтора часа, он позволил себе не два стакана "кьянти", а все четыре. Дождливые серые облака разбежались по небу, когда он покинул уютное заведение, пошагал до своей конторы и пешком поднялся на третий этаж. В знаки природы Каширин не верил.

Он подошел к двери кабинета, хотел вставить ключ в замочную скважину, но дверь распахнулась сама. Каширин остоленело застыл на месте.

* * *

Он не узнал свой кабинет. За столом на месте Каширина сидел мужчина средних лет в сером костюме, по-хозяйски копался в ящиках стола, выкладывая на пол их содержимое. Полки стальных шкафов распахнуты настежь. Забравшись ногами на стул, в них копается еще один мужик. У стены, опустив глаза к полу, сиротливо жался оставшийся без обеда Рахинсон и заместитель бухгалтера Кракова. Двое молодых незнакомых людей, устроились в креслах у окна, бегло просматривали бумаги, а затем складывали их в большие картонные коробки из-под оргтехники.

Мужчина в сером костюме поднял мутные глаза, прищурился и посмотрел на Каширина брезгливо, как на дохлую кошку, раздавленную грузовиком.

– Что здесь происходит? – Каширин сделал шаг вперед.

– Здесь в присутствии понятых, – сидящий за столом мужчина в сером костюме кивнул на сжавшегося под его взглядом Рахинсона, – происходит обыск и выемка документов. Меня зовут Вошук Семен Георгиевич, старший следователь управления по борьбе с экономическими преступлениями.

Мужчина встал, обогнул стол, подошел к Каширину на расстояние шага и сунул ему под нос какую-то сложенную вчетверо бумажку.

– Можно?

Каширин взял бумагу, расправил ее в предательски задрожавших пальцах: ордер на обыск. Вернув бумажку следователю, вопросительно посмотрел на заместителя бухгалтера Кракову, но та лишь пожала жирными плечами, демонстративно отвернулась.

– А что, собственно...

Каширин не договорил, слова застряли в горле. Надо бы заявить, что милиция не имеет права учинять подобное беззаконие: врываться в офис, шарить по всем углам и так далее. Каширин оборвал себя. Глупо, тысячу раз глупо. Ведь ему только что предъявили ордер на обыск, значит, менты действуют по закону.

Тогда что же заявить? Что он, Каширин, не станет давать показания без адвоката? Так вот же он, адвокат Рахинсон, уперся задом в стену, опустил глаза, как провинившийся школьник. И даже рта раскрыть, пикнуть не смеет.

– Все-таки я хочу знать, – Каширин постарался, чтобы голос звучал спокойно, без дрожи. – Хочу знать, почему... Зачем этот обыск и, как вы выражаетесь, выемка документов?

– Я отвечу на ваши вопросы, – сказал Вошук. – Позже. Не здесь. Сейчас мы с вами поедем в одно место. Там поговорим.

– В какое еще место? – сердце екнуло. – Проедем прямо на Петровку? Туда?

– Поближе, – усмехнулся Вошук. – В районное управление внутренних дел. А сейчас попрошу у вас ключи от сейфа.

Вошук вытянул вперед раскрытую ладонь. Каширин покопался в карманах, вложил в ладонь тяжелую связку ключей. Следователь безошибочно выбрал нужные ключи, подошел к стоящему в углу кабинета большому двустворчатому сейфу, напоминающему допотопный холодильник. Покопавшись минуту, открыл сперва одну, затем другую створку.

– Понятые, попрошу подойти к столу, – объявил Вошук поставленным голосом эстрадного конференсье, косо глянул на Каширина. – И вы тоже подойдите.

Каширин приблизился к столу, стал наблюдать, как Вошук выкладывает на стол шесть прозрачных продолговатых упаковок с техническими алмазами, мелкими, размером и цветом напоминающие грязноватый речной песок. Следовательно долго шарил руками в темной пустоте сейфа, обернулся к Каширину.

– Где ты держишь наличку?

– В бумажнике, – Каширин похлопал себя по карману.

– Шутник.

Вошук заглянул за сейф. Убедился, что тесное пространство за задней стенкой сейфа пусто. Следовательно, видимо, заранее знал, что именно и где именно ему предстоит искать. И найти. Он сел за стол, спросил Каширина, что находится в прозрачных упаковках.

– Технические алмазы.

– Прекрасно, – почему-то обрадовался следовательно, и обратился к молодому человеку, стоящему ногами на стуле. – Петя, садись на мое место. Составляй протокол изъятия.

Каширин безучастно наблюдал, как Петя, вытащив из портфеля чистый бланк, заполняет протокол мелким старушечьим почерком, как в бумагах расписываются понятые. Напряжение последних дней неожиданно переродилось в апатию.

– Заканчивайте тут без меня, – скомандовал Вошук. – Опечатайте кабинет. Через час пришло за вами машину. А мы поедем.

Он подтолкнул Каширина к двери.

* * *

В интерьер следственного кабинета, тесного, вытянутого, как пенал, с высоким зарешеченным окном, вносил оживление лишь цветной календарь, прихваченный к стене кусочками клейкой ленты. Полуголая девица, лежа в шезлонге, скрестила ноги и блаженно улыбалась.

Каширин сидел через стол от Вошука, заполнявшего бланк протокола. Отвечая на анкетные вопросы, помимо воли поднимал глаза вверх, разглядывал ноги девицы. Все веселее, чем лицезреть унылую бесцветную физиономию следователя.

– Мне нужен какой-то документ, удостоверяющий вашу личность, – сказал Вошук. – Куда вы дели свой паспорт?

А вот взять и сказать ему правду: паспорт под дулом пистолета у меня отобрали бандиты. Отобрали, чтобы переоформить на себя все мое имущество: дом, квартиру. Как поступит этот следак? Побежит задерживать бандитов и вымогателей? И с места не двинется. Попыхтит, почешет репу и скажет, что вместо паспорта сгодятся и водительские права.

– Я уже говорил, паспорт остался дома, – сказал Каширин. – Водительские права подойдут?

– Давай хоть права.

Вошук взял права, склонился над протоколом. Через минуту, вернул документ его владельцу и предупредил Каширина об ответственности за отказ или уклонение от обязанностей свидетеля.

– Значит, я всего-навсего свидетель?

– Сегодня свидетель, – на лице Вошука играла токая змеиная улыбочка. – А вот завтра прокурор вынесет постановление о привлечении вас в качестве обвиняемого. Всею свое время.

– Вы обещали объяснить, чем вызвано это, – Каширин развел руки в стороны.

– Технические алмазы, обнаруженные в вашем сейфе, это валютная ценность. А ваша компания "Горизонт" не имеет лицензии на операции с драгоценными металлами и природными камнями. Вы совершили противоправную сделку. Приняли эти камни в качестве обеспечения кредита. Статья сто девяносто первая пункт два.

– И сколько же мне, – Каширин усмехнулся, – могут намотать? То есть напаять. Ну, если дело дойдет до суда.

– Теперь до суда точно дойдет, не сомневайтесь. А санкция – от пяти до десяти лет лагерей с конфискацией имущества. Или без таковой.

Каширин хотел сказать, что из имущества у него остались лишь носильные вещи и автомобиль "Лексус", который уже завтра будет продан. Но сказал совсем другое:

– А что с алмазами?

– Пока они арестованы, но скоро будут конфискованы. Вам алмазов больше не видать. Это однозначно. Наймите себе хоть целую армию адвокатов – алмазы к вам не вернутся. Кстати, банковские счета "Горизонта" тоже арестованы.

Каширин еще до конца не верил в то, что произошло.

– Слушайте, я возглавляю инвестиционную компанию. Я деловой человек. И вам, наверное, есть, чем заняться. Давайте с вами договоримся. По человечески договоримся. Моя профессия в том и состоит, чтобы эффективно вкладывать деньги, получать обеспечение под кредиты. И мне совершенно без разницы, чем брать залог. Алмазами, табуретками, деревянными чурбанами. Лишь бы эта хренота, то есть залоговое обеспечение, было ликвидным. Ну, покрывало выданный кредит. Понимаете?

– Разумеется. Мы в УЭПе не лаптем щи хлебаем.

– Вот я и взял это техническое сырье в качестве обеспечения кредита в три миллиона долларов, выданного фирме "Степ". Деньги я выдал "Степу", а они мне – алмазы. Понимаете?

– Значит, этот факт вы признаете? Прекрасно.

Вошук склонился над протоколом, что-то долго записывал на бумаге. Каширин заерзал на жестком стуле. Доказывать, что алмазный порошок не валютная ценность, а техническое сырье – смысла нет. Такие доказательства не для слабых умов. А этот Вошук явно не гигант мысли. Но ведь даже со следователем можно поговорить по человечески, что-то ему объяснить на пальцах. Должен понять.

Каширин старался облекать свои мысли в самые простые доходчивые фразы.

– Если вы арестуете эти проклятые алмазы – я пропал. Это все равно, что меня к стенке поставить. И шлепнуть без суда. Вы у меня не алмазы отбираете, жизнь отбираете. Я отвечаю за кредит, за чужие деньги, я обязан их вернуть. Не будет алмазов – не будет денег. А не будет денег – не будет меня. В живых меня не будет.

– Ну, не драматизируйте ситуацию. Пропадут, то есть поступят в доход государства, только алмазы. А с вами... С вами по закону. Расстрельной статьи вам не светит.

Каширин попробовал зайти с другого боку.

– Прошу вас, давайте договоримся. Ну, как люди. Вы человек и я человек. Значит, мы можем договориться. Уголовное дело еще не завели? Вот и хорошо. Значит, можно договориться. Ну, лично с вами. Я не слишком богатый человек. Но сейчас в этой ситуации готов, так сказать, пойти на издержки. Понимаете?

Каширин выставил вперед руку, потер большой палец об указательный. Вошук, до которого дошел смысл иносказаний, дернулся, как от удара, подскочил на стуле.

– Ты что же мне взятку предлагаешь? Взятку, мне? Мне, который... Мне, которому... Финку в спину... Мне, который вас... Нас...

"Еще бы тебе заточку в бок и кирпичом по дурной башке", – додумал фразу Каширин. Он запоздало жалел о своих словах. Следователь задохнулся от злости, не смог говорить дальше. Только прерывисто отдувался и пучил белые глаза.

– Что вы, – дал задний ход Каширин. – Я в другом смысле. В том смысле, что я готов сотрудничать со следствием. Помогать, ну, и все такое.

– Это другое дело, – остыл Вошук. – Тогда приступим.

Дальше начались бестолковые неграмотные вопросы, ответы на которые Каширин уже давал. Только на это раз вопросы были для протокола: "От кого получили алмазы?", "Когда именно?", "Как оформляли сделку?" И прочая белиберда. Сдохнуть можно от всей этой загробной риторики.

Каширин машинально шевелил языком, разглядывал красотку на цветном календаре и прикидывал: как могло случиться, что именно сейчас, именно сегодня в его офис нагрянул УЭП. Менты слишком ленивые люди, чтобы по собственной инициативе начать оперативную разработку Каширина. Возможно, лень – главная профессиональная черта ментов. Да и он сам птица не столь высокого полета, чтобы в эту разработку попасть.

– Сколько лет вы были знакомы с Ореховой?

– Не помню точно. Лет десять или больше.

Каширин морщил лоб: каким макаром он влип в историю? Анонимный доброжелатель капнул, скажем, по телефону: Каширин совершает противозаконные сделки с драгоценными камнями. А менты поверили и со всех ног кинулись изобличать подозреваемого. Как же, они кинутся... Анонимный звонок или письмо – не основание, чтобы проводить обыск, изымать документы, возбуждать дело.

– Доводилось ли вам прежде принимать он Ореховой в обеспечение кредитов драгоценные металлы или природные камни?

– Не доводилось.

Никакой прокурор, самый круглый дурак, не даст добро на обыск на основании сомнительной анонимной информации. А вот если к прокурору придти с заявлением конкретного лица. А к заявлению пришпилить конторской скрепкой копии документов, подтверждающие правоту заявителя. Тогда другое дело, тогда перед ментами зеленая улица. Они почешутся, если точно уверены: лажи не будет.

– Вы состояли с Ореховой в интимных отношениях?

– Нет, не состоял.

Что же остается? Куда тянутся концы? К заму Ореховой Кобылкину. Заявление и документы в УЭП подкинул именно он. Сам Кобылкин или его доверенное лицо. Взаимные неприязненные отношения с Кашириным, завить, неудовлетворенное тщеславие. Кобылкин мстительный сукин сын. Недаром Каширин сто раз советовал Ореховой: гони его к черту с работы. Рано или поздно он подставит или тебя или меня. Все руки не доходили. Каширин решился на вопрос.

– Скажите, заявление на меня поступило от господина Кобылкина?

Вошук нисколько не смутился.

– Вам еще имя назвать? – усмехнулся он. – Заявление поступило от честного человека. Слава Богу, такие люди не перевелись.

– Да уж, слава Богу, – согласился Каширин.

Следователь передал Каширину исписанные бланки протокола, тот даже читать не стал, расписался на каждой страничке.

– И еще вот здесь распишитесь.

Вошук подал новую бумажку. "Подписка о невыезде, – прочитал Каширин. Обязуюсь без разрешения следственных органов или суда не отлучаться с места моего жительства и

являться по первому требованию следственных органов или суда. Подписку отобрал следователь Вошук". Каширин расписался.

– Можете идти, – кивнул Вошук. – Сидите дома. Возможно, уже завтра я вас вызову.

– Буду ждать, – Каширину не хотелось шутить.

Он вышел из здания управления внутренних дел, остановил такси. Сейчас он поедет на работу, заберет со служебной стоянки "Лексус", затем к Марине. Надо объясниться сегодня же. Теперь тянуть нельзя.

* * *

В фирме с музыкальным названием "Орфей" Игорь Акимов занимал ничем не примечательную должность, что-то вроде завхоза. На самом деле он был далеко не последним человеком, круг обязанностей имел весьма широкий. Генеральный директор фирмы Яков Семенович Гецман доверял Акимову порой весьма щекотливые и ответственные дела, порой, дела рискованные.

Но случилось так, что подчиненный здорово подвел своего начальника. Служебный автомобиль, за рулем которого находился пьяный Акимов, попал в серьезную аварию. Дорожное происшествие – дело житейское, с кем не случается. Тем более есть смягчающие вину Акимова обстоятельства. Возвращаться со свадьбы друга трезвым – это уже из области фантастики или идиотизма.

И не то плохо, что служебная "Волга" пошла на списание. Если разобраться, пятигодовую рухлядь и жалеть не стоит, она свое уже отбегала. Вина Акимова лежала в иной плоскости. Он, опытный водитель, стал виновником происшествия, результаты которого не спишешь на лопнувшую покрышку и скользкую дорогу. Два пассажира, сидевших сзади, оказались в больнице. Список костей, которые они наломали, получается очень длинный: голень, два бедра, ключицы, предплечье...

Сидевший на переднем сидении рядом с Акимовым Сергей Федотов не сломал ничего или почти ничего. Так, какую-то ерунду в основании позвоночника. И тем не менее именно ему повезло меньше всех. Федотов чуть было не сыграл в ящик. Пять дней реанимации. А теперь койка, корсет, недвижимость, первые пролежни, которые начинают проявляться медленно, как синяки на побитом теле, и попахивать. Из ближайших перспектив – кресло-каталка. А там, может, и на костыли встанет.

Акимов оказался трезвее своих товарищей. Именно он успел открыть дверцу летевший под откос машины и вывалиться из нее в темноту ночи. И травмы совершенно пустячные. Получил их, когда ударился грудью о баранку: трещины в четвертом и пятом правых ребрах.

Даже стыдно за такие царапины.

* * *

Последний разговор с начальством на неприятную тему происходил на враждебной территории – в шикарном кабинете Гецмана. Акимов сотню раз пересказавший историю той аварии разным людям не старался выгородить себя, представить все в выгодном свете.

Он сделал самое правильное из того, что мог сделать. В сто первый раз он рассказал правду. И еще сообщил, что готов загладить вину всеми силами. Яков Семенович Гецман не выпер подчиненного с работы, не высчитал деньги за раскуроченную "Волгу" и даже не плюнул Акимову в морду, хотя имел моральное право.

Сейчас Гецману не до мелочных счетов. Ему не до эмоций, чужого раскаяния, соплей и всего этого дерьма. Предстояло важное дело: перегон двух грузовиков из Москвы через весь Казахстан, до границы с Узбекистаном. Машины почти укомплектованы грузом, можно ска-

зять, стоят под парами. А вот водители, которые должны в четыре дня перегнать грузовики до места назначения, больные, все переломанные, валяются в какой-то больнице у черта на куличиках и писают кровью под себя.

– Ты сам сможешь сесть за руль?

Гецман с силой ткнул открытой ладонью в грудь Акимов. Попал в четвертое больное ребро, но Акимов даже не поморщился.

– Я смогу, – кивнул Акимов.

– Нужны еще люди. Можно, конечно, взять парней из моей охраны. Но с грузовиками эти парни в натянутых отношениях. Тут нужны профессионалы. Ничего там особенного не требуется. Ведь не в экспедицию на Марс отправляем. Нужно просто доехать до места. Но без аварий и всякого дерьма.

– Сделаем.

– Что, мать твою, сделаем? Все, что можно, ты уже сделал. Отправил в больницу трех лучших водителей. А мне крутись. Я ведь не могу дать объявление в газете: на такую-то работу срочно требуются квалифицированные водители. Не та работа, чтобы о ней в газете писать. И рейс отложить не могу.

Акимов, внутренне напряженный, стоял перед начальником навтыжку, как рядовой перед генералом, почти не дышал.

– Я найду людей, – сказал он. – Надежных людей, за которых могу поручиться. Хороших водителей. Не хуже тех, что... Ну, вы понимаете.

Акимов не задумывался над своими словами, но он точно знал: в лепешку расшибется, но водители будут хоть из-под земли, хоть со дна морского. Хотя утопленники на эту работу не требуются.

– И что, есть люди у тебя на примете?

– Есть.

Хотелось добавить: "Так точно, есть", но он вовремя сообразил, что разговор происходит не в солдатской казарме. Игорь Акимов не обладал холуйской натурой. Он не раболепствовал, не пресмыкался, не ползал на брюхе. Он не знал, чем по утрам пахнет задница начальника. Но всегда помнил, что многим обязан Гецману.

Яков Семенович вздохнул, сел в кресло и расслабил узел галстука. Хорошая примета. Не то, чтобы Акимов уже прощен, но начальственное сердце уже помягчело. Немного оттаяло.

– Отличные ребята, – продолжал врать Акимов. – Водители, возможно, не самые лучшие в Москве. Но дело свое знают. И, главное, всегда могут подставить плечо. Помочь в трудную...

Гецман соорудил такую плаксивую рожу. Кажется, он собрался блевонуть прямо на ковер.

– Брось ты эту сраную лирику: помочь, подставить плечо... Где ты слов только таких нахватался?

– У меня есть старые связи, знакомства. Короче, это моя забота.

– Разговаривай со своими знакомыми так. Если будут спрашивать, что за груз, говори: солярка в бочках. И в ящиках кое-какой инструмент, запчасти для буровых. Вознаграждение – две с половиной штуки в баксах. Тебе лично десять штук. Ты ведь старший и, кроме того, материально ответственное лицо.

– Могут спросить: почему такая высокая оплата?

– Отвечай: за срочность. А я платить меньше не хочу потому... Сам знаешь, почему. Нужно, чтобы груз доехал.

– За все про все у тебя три дня, – сказал Гецман. – На четвертый день машины должны выехать.

– У, мне и двух дней хватит, – улыбнулся Акимов.

Пронесло. Гецман вроде не сердится. А водителей Акимов, разумеется, подберет. А там все пойдет, как по маслу.

Глава шестая

Каширин вышел из такси и поежился. Ветер гнал с реки темные низкие тучи, обещавшие ночной ливень. Каширин прошагал до территории стоянки, до освещенной изнутри служебной будки. В ней коротали время за шашками и ужином два охранника. Молодой – тезка Каширина Женя. И старик Семен, отчество которого вылетело из головы.

Постучав пальцами в стекло, Каширин сделал приветственный жест, намереваясь пройти дальше. Но тут охранники почему-то повставали со своих стульев, о чем-то переговариваясь, пошлепали к двери. Старик Семен спустился вниз по ступенькам, Женя остался в будке.

– А я думал, вы уж не придете.

Семен, говорил с усилием, слова с трудом выходили из набитой пищей пасти. В одной руке сторож держал огромных размеров бутерброд, точнее разрезанный надвое батон белого хлеба, внутрь которого поместились шмат колбасы и длинные перья зеленого лука.

– Почему же я не приду? – удивился Каширин.

Тут сердце, почуяв недоброе, неровно толкнулось в груди. Каширин глянул на освещенную фонарями территорию стоянки, огороженную забором из металлической сетки. Нашел глазами то место, где должен был стоять новенький "Лексус", о продаже которого он договорился с директором автосалона еще утром.

Машины не было. Каширин, не веря самому себе, поводил глазами из стороны в сторону. Сплошь чужие тачки.

– Так, так ведь, – старик широко разинул пасть, блеснул стальными коронками, укусил бутерброд. – Так ведь... Му-му-му... Бе-бе-бе...

И дальнейшие слова получились невнятными. Каширин, ожидая, когда старик прожует, ожидая внятных объяснений, набрался терпения. Охранник, совершив глотательное движение, шагнул к Каширину. Дыхнул ему в лицо ароматом зеленого лука и свеженьким перегаром.

– Так ведь продали вы машину, – сообщил он.

Каширин и в этой ситуации постарался удержать себя в руках, хоть внешнее спокойствие сохранить.

– Послушай, Семен, как твое отчество?

– Отчество? Архипович.

– Ну и отчество, – сказал Каширин. – Звучит. Так вот, Семен Архипович. Будь любезен, если тебя это не слишком затруднит... Расскажи мне, кому я продал свою машину?

Архипович сморщился всем своим некрасивым лицом, напрягая память. Прикладывая колоссальные умственные усилия, он старался выдать из себя имя покупателя.

– Ну, там как его. Ну, из вашей конторы начальник. Который здесь свою машину ставит.

Пытаясь ускорить процесс, помогая своей голове, старик свободной рукой похлопывал себя то по ляжке, то по ягодицам.

– Лысый такой. А, Паша Литвиненко. Вот его как зовут.

– Так, так, – сказал Каширин.

Надобность в наводящих вопросах отпала. Разумеется, Литвиненко сегодняшним дрем донесли: Каширин задержан, алмазы конфискованы. И тот успел посуетиться, забрать то малое, что не успел забрать накануне. Машину. Примчался в "Горизонт", когда бывшую инвестиционную фирму покинули милицейские опера, взяли из сейфа секретарши ключи от машины.

И узнали ведь, где лежат ключи. Зря Каширин держал там дубликат. Хотя, какая теперь разница? Литвиненко справился бы с замком и без ключа. А сторожа его хорошо знают, мешать не станут. А уж если им бутылку поставить, ну, тогда и проводят с оркестром.

Карлович смачно икнул. Видимо, организм отказывался принимать пищу всухомятку.

– Он документ показал, то есть генеральную доверенность. Сказал, что вы ему продали машину. Я еще сказал, мол, хорошая машина. И он тоже говорит: хорошая.

– Была хорошая, – машинально подтвердил Каширин. – Лайковый салон, светлый.

– Я что-то неправильно сделал?

– Все правильно. У вас там, в будке телефон. Я позвоню?

– Звони, какой разговор.

Старик отступил в сторону, пропуская бывшего авто владельца вперед себя. Поднявшись на три ступеньки, Каширин очутился в тесном помещении, пропитанным густым спиртным духом, мешавшимся с ароматами чеснока и лука. Пожав потную ладонь своего тезки, Каширин сел за столик, накрутил знакомый номер мобильного телефона. Соединили после второго гудка.

Кажется, Литвиненко не ждал, что сегодня услышит голос Каширина. Даже удивления не стал скрывать.

– Значит, тебя отпустили?

– Под подписку. А ты многое успел, пока я со следователем разговаривал. Машину...

– Брось. Я бы на твоём месте об этом даже не заикался. Сейчас половина одиннадцатого. Ты вот что, приезжай без четверти двенадцать к складам на задах Казанского вокзала. Ты был там со мной. Жди возле ворот. Есть разговор.

Каширин вспомнил темные лабиринты складов, где странная жуть невольно охватывает человека, где посторонней помощи, без проводника легко заблудится и светлым днем. А сейчас в этой темнотище, в этой грязи... Сделалось не по себе. Склады определенно хорошее место для мокрухи. Несколько ударов по голове фомкой. А потом изуродованное тело долго катается по стране в рефрижераторном вагоне, заваленное промерзшими свиными тушами и коробками с куриными окорочками.

– Может, завтра поговорим? Хоть с утра?

– Ты чи-во совсем оборзел? Охренел совсем или как, частично? Кто кому должен? И какие деньги? Не вздумай не придти. Не заставляй себя искать. Когда я говорю приезжай, люди на цирлах бегут. Штаны теряют на бегу. Ты, кстати, откуда звонишь?

– Со стоянки. За машиной пришел.

– Вот прямо оттуда и езжай. Прямой наводкой.

– Хорошо, возьму тачку и еду.

Каширин положил трубку, секунду подумал, набрал номер загородного дома на Рублевке. Долгие гудки. Черт, где же болтается Марина? У соседей? Но есть же домработница. Вот, хорошо, что о ней вспомнил. Завтра же надо ее рассчитать. Нищие люди не имеют домработниц. А Каширин теперь почти нищий.

Он еще дважды набрал тот же номер, но трубку так никто и не снял. Выйдя из будки, Каширин остановился у кромки тротуара, поднял руку.

* * *

На пол дороге к Казанскому вокзалу эмоции отступили, Каширин, сидя на заднем сидении стареньких "Жигулей" смог почти спокойно обдумать положение. Куда он так быстро едет на ночь глядя? Выражаясь высоким слогом, на встречу с судьбой. Говоря по существу, искренне: едет на свои похороны. А если так, стоит ли спешить?

Он тронул водителя за плечо:

– Поворачивай, поедem на Рублевку. Сочтемся.

Каширин, полный самыми недобрыми предчувствиями, извертелся на месте, каждую минуту смотрел на часы. Вот, уже без четверти двенадцать. Литвиненко пунктуальный человек, он уже топчется у складских ворот, ждет. Сегодня ему придется долго ждать.

Приехали на место уже за полночь. "Жигули" остановились перед красно-белым шлагбаумом, отделявшим тамошний мир от земного быта простых людей. Территория дачного городка, обнесенная кирпичным забором, поверх которого пустили три ряда колючки, жила своей обособленной жизнью. От ворот были видны светящиеся окна шикарных особняков, облицованных темным канадским кирпичом. На вымощенных фасонными плитами улицах горели стилизованные под старину фонари.

Каширин расплатился с водителем, но не отпустил машину, велел ждать. Он ступил на землю, поднял воротник плаща. Начал накрапывать холодный дождик, вдалеке прокатился раскат грома. Из рубленого дома, сложенного возле ворот, навстречу Каширину вышли трое высоких парней в форменных куртках. Как на подбор, рослые и здоровые, не чета тем забулдыгам с автомобильной стоянки. Все знакомы Каширину в лицо. Он махнул охранникам рукой.

– Откройте шлагбаум. Мне проехать надо.

Никакого движения. Парни стоят, переглядываются друг с другом. Наконец, старший выступает вперед, становится с другой стороны шлагбаума и отрицательно качает головой.

– Вас, Евгений Викторович, велели не пускать, если приедете. Распоряжение начальства. Извините.

– Очень интересно, – Каширин не нашел другого ответа. – Объясни, что тут произошло.

– Днем приезжали новые хозяева. Осмотрели дом. А ваша супруга собрала чемодан и уехала.

– Велели не пускать, – тупо повторил Каширин. – Очень мило.

– Это распоряжение начальства. Поскольку у вас теперь здесь нет дома... Ну, сами понимаете. Посторонним лицам сюда хода нет.

– Да, да, понимаю. А как же вещи?

– Завтра с утра будет начальство. Приезжайте, разговаривайте с ними. И вещи заберете. Отдадут вещи.

Каширин развернулся, дошел до машины и упал на заднее сидение.

– Куда теперь? – спросил водитель.

– Давай к метро Спортивная. Там гостиница есть, покажу.

– А, знаю этот клоповник, – кивнул водитель.

Марина, когда ее вышвырнули из дома, наверняка отправилась к родителям. Чтобы услышать слова утешения. Но тесть не упустит возможности подлить масла в огонь: "Я же тебе говорил, твой муж плохо кончит. До чего, сволочь, опустился. Дом продал, слова не сказав жене. На улицу ее выгнал. Мразь. Одно слово – мразь. Ничего. Еще побогаче мужа найдешь. И, главное, не такого старого пентюха". И дальше в том же роде.

А, может, сейчас рвануть в квартиру на Ленинском? Каширин взглянул на часы. Литвиненко, не дождавшись его у складов, наверняка тоже отправится туда. Так что, Ленинский отпадает, если жизнь еще дорога.

Водитель высадил ночного пассажира возле гостиницы, получил расчет и с легким сердцем помчался домой.

Перед тем, как войти в холл гостиницы и начать поиски знакомого администратора, который не потребует у приятеля паспорт, Каширин решил уточнить, сколько при себе денег. Остановился под уличным фонарем, вытащил бумажник. Долго пересчитывал деньги. Совсем не густо, но на несколько дней хватит.

Каширин вдруг представил себя со стороны.

Человек, чья молодость в прошлом... Мужчина без дома, без документов и, видимо, уже и без семьи, ночью стоит под фонарем, считает последние гроши. Еще та картина. Слеза прошибает. Каширин вздохнул и зашагал к парадному входу в гостиницу, светящемуся тусклыми огоньками.

* * *

Николай Рогожкин уже третий день проживал в той самой гостинице, куда ночью приехал Каширин. Рогожкину нравилось здесь все. Он не замечал пещерного убожества своего номера, не ощущал привкуса машинного масла в стряпне столовой, что на первом этаже. Он радовался, что живет на свете, а не умер от пули, как рыжий Артем Чулков.

Новую жизнь Рогожкин начал в тот самый вечер, когда вышел из ресторана-казино "Поднебесье" и растворился в темноте позднего вечера. Он битый час бродил по улице, разглядывал освещенные витрины и мучительно соображал, куда направить стопы. Домой нельзя. Что остается?

Рогожкин покопался в записной книжке и остановил выбор на знакомой женщине по имени Виктория, не слишком симпатичной, и к тому же годившийся ему в матери. При всех минусах этого варианта в нем есть несомненные плюсы. О существовании Виктории Рогожкин стеснялся рассказать даже покойному Чулкову. Значит, неожиданные гости в небольшую однокомнатную квартиру в Новых Черемушках не нагрянут.

И еще несколько плюсов: женщина – бездетная вдова. А может, врет, что вдова. Цену себе набивает. Скорее всего, она и за мужем-то никогда не была. Впрочем, это не важно. У псевдо вдовы найдется спальное место. Плюс ужин.

Рогожкин позвонил Виктории из телефона-автомата. Долго напрашиваться в гости не пришлось. "Сейчас выезжаю", – пообещал Рогожкин, получив добро, и заспешил в фотоателье "24 часа".

"Мне на паспорт", – сказал Рогожкин приемщице и уже через минуту, освещенный со всех сторон электрическими лампочками, сидел на стуле перед объективом камеры. Карточки были готовы уже через четверть часа, но снимки Рогожкину не понравились. Какой-то он непричесанный и глаза блестят так, будто подряд два косяка выкурил или хорошо ширнулся. Еще тот видок, диковатый. Но пересниматься не хотелось.

Решив не тратить на такси, Рогожкин добрался до Черемушек на метро, а дальше автобусом.

Переступив порог квартиры, он галантно приложился губами к руке хозяйки, к случаю облачившийся в бордовый халат с глубоким вырезом. Он увидел в комнате скромно накрытый стол с бутылкой посередине. Водка – это хорошо, это кстати. Но сначала дела.

"Давай перенесем все это на полчаса", – предложил Рогожкин. Он попросил у хозяйки ацетон, пилочку для ногтей, пинцет и клей. Уединившись на кухне, долго разглядывал украденный в ресторанном сортире паспорт. Так, Алексашенко Юрий Павлович, тридцати одного года, прописан в Москве, родился в Череповце. Не единожды женат. Последний брак расторгнут два месяца назад. Что ж, ему можно позавидовать. Человек многое успел в жизни.

Рогожкин приступил к делу.

Поставил на плиту чайник, подержал над паром ту страницу паспорта, куда была вклеена фотография его бывшего владельца. Затем вырезал точно по размеру свою фотографию, на пару минут поместил ее в теплую воду. Обтер карточку носовым платком. При помощи пилки для ногтей и монетки выдавил на размякшей в воде фотобумаге нечто, напоминающее уголок объемной печати. Взял в руки тюбик клея...

Рогожкин проканителлся с паспортом больше часа, но остался доволен плодами труда, своими золотыми руками.

Никто не скажет, что фотография на ксиве переклеена. Он спрятал торчащий из-за брючного ремня пистолет в кухонной полке, за банками с крупой, вернулся в комнату. Ужин на столе давно остыл, а хозяйка, кажется, готова была надуть густо накрашенные губы. Изголовавшийся Рогожкин быстро сметелил под водочку грибы, вареное мясо и картошку.

Ужин закончился, наступил час расплаты.

Рогожкин вздохнул, скинул трусы и голяком полез на диван. Под одеялом его уже ждала Виктория. Все по справедливости: должна же стареющая женщина получить свой бонус, свои премиальные. Заслужила.

Утро воскресного дня началось с лирики: чашки кофе и домашних блинчиков с творогом. Кормит баба сносно, и вообще, обстановка приближенная к домашней. Еще одну ночь с любвеобильной Викторией, пожалуй, пережить можно, – решил Рогожкин. Сил хватит на двух таких.

Но залипать во вдовьем гнездышке надолго, нет, это не для таких натур. Не для него. Кроме того, теперь у Рогожкина новый паспорт, новая жизнь. С новой ксивой на кармане дышалось легко. И кофе имел совсем иной, особенно приятный вкус. Виктория выкатилась в прихожую проводить молодого кавалера.

– Когда тебя ждать? Вечером?

– Я вернусь, – неопределенно пообещал Рогожкин, стоя одетым в дверях. – Но не сегодня. И не завтра.

* * *

Надо бы позвонить матери или отчиму. Но воспользоваться домашним телефоном Виктории Рогожкин не рискнул. На телефоне он уже обжигался. Он вошел в будку ближайшего телефонного автомата, накрутил домашний номер.

Трубку снял Сергей Степанович: "Коля, где ты пропадаешь?" Возможно, волнение отчима было искренним. "Мать дома?" – задал свой вопрос Рогожкин. "На работе. Коля, к нам уже дважды приходили какие-то незнакомые мужики. Тебя спрашивали. И по телефону звонят без конца. Мы с матерью не знаем, что делать. Тебя что, уволили из музея?" "Сам уволился, – соврал Рогожкин. – Можете сходить, попроситься на мое место. Вас, человека с ученой степенью, возьмут". "Схожу", – то ли шутя, то ли серьезно ответил отчим.

"Если еще будут меня спрашивать, скажите: он уехал из Москвы, – повысил голос Рогожкин. – Надолго. Завербовался в геологическую партию. Это правда. Я звоню из аэропорта. Самолет через полчаса". "Куда, куда ты завербовался?" "Все подробности письмом, – крикнул Рогожкин. – Как прибуду на место, сразу пушу письмецо. Матери привет. Пусть за меня не беспокоится".

Он вышел из телефонной будки, сел на автобус. Через полтора часа он сунул в окошечко администратора гостиницы паспорт на имя Алексашенко, взял одноместный номер, заплатил вперед за пять дней вперед.

Поднявшись на третий этаж, он осмотрел свои апартаменты. Узкая кровать, тумбочка, платяной полированный шкаф и радиоприемник на стене. В комнате было жарко. Раздевшись до нижнего белья, Рогожкин сунул пистолет под подушку, выглянул в окно: тишина и запустение.

Включив радио на полную громкость, повалился спиной на кровать, скрестил руки на груди.

Теперь, когда он в относительной безопасности, пять дней спокойной жизни ему обеспечены, надо бы подумать о деньгах. Найти легкий и быстрый заработок. Например, обчи-

стить номер какого-нибудь рыночного торгаша. Но люди, проживающие здесь, в этой дыре, не слишком богаты. А осторожные торговцы, не оставляют деньги в номерах. Значит, на приличный навар нечего рассчитывать. Кража – крайний вариант.

Можно занять денег без отдачи. Скажем, у той же Виктории занять. Но много она не даст. А из-за мелочи пачкаться не хочется. Можно угнать машину и впарить ее какому-нибудь лоху с рынка. Сомнительно. К машине потребуют хоть какие-то документы. Можно, в крайнем случае, продать пистолет.

Все варианты так себе, один дохлей другого. Под звуки эстрадной музыки он задремал.

* * *

Акимов решил действовать быстро, без передышки. Нужно искать надежных людей, не откладывая это дело ни на минуту. Он заперся в своем тесном кабинетике, из единственного узкого окна которого можно было разглядеть все живописные детали местной, весьма обширной помойки.

Присев на подоконник, он поставил на колени телефонный аппарат, раскрыл записную книжку на первой странице и начал обзвон знакомых. Так всегда, если человек позарез нужен, то он в командировке. Или в отпуске. Или в больнице. Или уже на погосте. Акимов набрал номер верного человека, своего старого приятеля, представился, когда ответила жена.

– Он тяжело болен, – ответила жена.

– Так болен, что и к телефону подойти не может?

– У Пети неприятности. Все утро лежит на диване. У него даже понос открылся.

– Жаль. А я хотел предложить ему работу на две с половиной тысячи долларов.

– Ой, подождите. Пожалуйста. Ой, он сейчас встанет.

– Не стоит беспокоиться. На мою работу люди с поносом не нужны.

Короткие гудки отбоя.

Боже мой, в городе, где живут почти три миллиона автомобилистов нельзя найти приличного водителя. Акимов даже вспотел от натуги. Он скинул пиджак, распахнул форточку. Не обращая внимания на густые помоечные ароматы, продолжил свое дело. Перевернув двадцатую страницу записной книжки, Акимов матерно заругался.

Палец, которым он накручивал телефонный диск, онемел до полного бесчувствия. Хватит дергаться, как карась на уде. Надо остановиться, сосредоточиться, вспомнить конкретные имена.

Акимов поставил телефон на подоконник. На ходу мысли яснеют. Он стал расхаживать по бугристому, покрытому линолеумом полу кабинетика, безотчетно приносясь к запахам, идущим сквозь форточку.

"Вот он подлинный аромат жизни – помоечная вонь", – подумал Акимов. От бесполезного хождения мысли не прояснились, кажется, наоборот, голова только затуманилась. И тут телефон разразился неприятной металлической трелью. Акимов снял трубку и сразу узнал голос своего молодого знакомого Коли Рогожкина, который официально числился музейным экскурсоводом, но на самом деле прокручивал какие-то темные делишки. Угонял машины на заказ, приторговывал ворованными со складов автомобильными запчастями.

Короче, крутился, как умел. Но не слишком преуспел в своем бизнесе. "И как я о Рогожкине сразу не вспомнил?" – хлопнул себя по лбу Акимов. Даже не обменявшись с Рогожкиным общими фразами, Акимов сходу предложил тому хорошую работу. В нескольких фразах описал, что именно предстоит сделать, и какой хороший навар выходит с дела.

– Если ты в принципе не против, то надо срочно встретиться, – сказал Акимов. – Это не для телефона.

Рогожкин старался не показывать своей радости.

– Я не против. А еще один человек не требуется?

– Что за человек?

– Хороший. У него в Москве неприятности. Он хочет на время слинять.

– Обсудим при встрече. Приезжай немедленно.

Акимов тоже не хотел показать своей радости. Так, сразу два водителя найдены. Правда этот мужик с неприятностями... И что это за неприятности? Мужик под вопросом. Но тут выбирать, задницей крутить некогда. Кто попадется – тот попадется.

– Жду тебя, – закончил разговор Акимов.

Положив трубку, он снова принялся лопатить записную книжку. Стоп. Как же он забыл про Величко? Вот память. Сейчас Величко кантуется у своей подружки, какой-то сучки. Акимов перевернул несколько листков, нашел нужный телефон. Голос Величко показался ему невеселым.

– Работаю в какой-то лавочке, где зарплату обещают выдать макаронами, – сказал Величко. – Но пока только обещают.

– Может, найдется для тебя хорошая работа. Давай вечером часиков в восемь подсаживайся в "Пупок".

– Эту рыгаловку еще не закрыли?

– Пока пыхтит. Жду.

Акимов потерял ладони. Все решилось даже скорее, чем он предполагал. До отъезда три дня. Нужно все обкашлять с Величко и Рогожкиным. Остальное время уйдет на то, чтобы затарить грузовики. Короче, в график он укладывается.

А завтрашний вечер придется посвятить Джеку, своей любимой собаке породы колли. Можно сказать, единственному члену семьи. И единственному настоящему другу. Надо выполнить тяжкую обязанность...

* * *

В то утро Рогожкин спустился на первый этаж, в буфет.

Прошло уже три дня его гостиничной жизни. А хороший приличный заработок пока не светил. Первую половину вчерашнего дня Рогожкин обзванивал знакомых, предлагая свои услуги в качестве водителя. Поступило одно предложение, но согласиться Рогожкин не спешил, обещал дать ответ через пару дней. Над таким предложением еще думать и думать...

Вторую половину дня он валялся на боку, штудирова объявления в рекламной газете. Утром Рогожкин решил, что пора действовать решительно. Так, лежа на диване, можно совсем опуститься. Ниже московской канализации.

Постояв в раздумье у буфетного прилавка, он сосчитал деньги, взял три пирожка с капустой, тарелку гречневой каши и два стакана сладкого кофе с молоком. Устроился за столиком в углу у стеклянной витрины, не торопясь, принялся за еду. Через пару минут к тому же столику с тарелкой и стаканом в руках подошел Каширин, вежливо спросил разрешения присесть.

– Приземляйтесь, – разрешил Рогожкин.

Каширин сел на противоположный стул, надкусил пирожок и через стекло рассеянным взглядом стал разглядывать пожелтевшие деревья, словно пришел не завтракать, а любоваться осенним пейзажем.

Сухая гречка не полезла в рот Рогожкину. Он присмотрелся к соседу. Дорогой пиджак, золотая заколка в шелковом галстуке, швейцарские котлы с хрустальным стеклом.

Для командировочного или челнока с рынка – слишком шикарно. Вшивота, которая обосновалась в гостинице, не носит золотых заколок, швейцарских часов и твидовых пиджа-

ков. Как сюда, в мелкое вонючее болотце, залетел этот важный гусь? Но выглядит мужчина каким-то расстроенным, побитым.

Наблюдательность не подвела Рогожкина, Каширин и вправду был расстроен. Только что он предпринял третью попытку дозвониться на квартиру родителей жены, поговорить с Мариной. Первый раз к телефону подошел тесть: "Марина гуляет с собакой". И все, бросил трубку. И через сорок минут Марина все еще гуляла с собакой.

Каширин выждал еще полчаса и снова накрутил номер. И снова трубку поднял тесть. На этот раз Сергей Иванович даже не потрудился сказать, вернулась ли его дочь с собачьей прогулки. Он сразу начал орать в трубку: "Ты вытряхнул жену из дома. Как кошку вытряхнул. И теперь совести хватает звонить сюда, мне домой".

"Я хочу поговорить с Мариной, а не с вами, – ответил Каширин. – Она моя жена. Я хочу с ней поговорить". "Да пошел ты к черту, – тесть перешел на высокую визгливую ноту. – И не звони сюда больше. Никто не подойдет. И не вздумай приехать. Охотничье ружье я зарядил. Получишь картечью в морду. Прямо в поганую морду. Пускай потом меня судят. Но за смерть такого подонка как ты, судить меня не станут. Спасибо скажут".

Дальше – отборный мат. Хватит маразма. Теперь бросил трубку Каширин. Побродив по тесному номеру, чувствуя странный зуд в сжатых кулаках, он спустился в буфет.

Рогожкин, кое-как справившись с гречневой кашей, снова взглянул на Каширина. Тот, отодвинув в сторону тарелку, пригубил кофе.

– Почему вы ничего не едите?

– Эта пища слишком жирная для меня, – сказал Каширин. – Слушай парень, ты хочешь заработать?

Рогожкин, в последнее время ломавший голову над этой проблемой, только пожал плечами.

– Смотря сколько. И каким способом.

– Много дать не могу.

Каширин назвал сумму – в пересчете на доллары – десятка.

– Но зато это верные деньги. Нужно отвезти письмо по одному адресу. Окей?

– Нужно бы накинуть. Впрочем, ладно, и этого хватит.

Рогожкин подумал, что лучше не борзеть. За такие деньги много желающих найдется письмо отвезти. Когда денег нет совсем – и десятка зеленых деньги.

– Заранее благодарю.

– Умоляю, не надо благодарности. Просто заплатите.

Через минуту Каширин с Рогожкиным вышли из буфета. В газетном киоске, помещавшемся в вестибюле гостиницы, Каширин купил конверт и тонкую ученическую тетрадь.

* * *

Каширин занимал номер на том же третьем этаже, в противоположном конце коридора, окнами не на улицу, а во двор. Комната Каширина были попросторнее, в отличие от номера Рогожкина, здесь стоял холодильник, телевизор и письменный стол. Пол покрывал истертый, но еще вполне приличный шерстяной ковер.

– Хорошо тут у вас, – Рогожкин с завистью оглядел номер. – Так жить – и помирать не надо. И сколько вы платите за эту роскошь? За телек и все прочее?

– Нисколько. Мой старый приятель тут администратор. Уступил мне номер на недельку. По дружбе.

– Ну, у вас хорошие друзья. Кстати, как вас зовут?

Каширин, представляясь, назвал себя по имени отчеству и фамилии. Рогожкин после короткого раздумья решил назваться подлинным именем, внешность Каширина внушала доверие.

– Коля Рогожкин.

Каширин достал из кармана "Паркер" с золотым пером, вырвал из тетрадки листок, начал быстро писать: "Марина, все то, что произошло вчера, имеет свою историю". В нескольких общих фразах Каширин описал злоключения последних дней, попросил у жены прощения за то, что не нашел времени объясниться с ней, все рассказать.

Рогожкин, понимая деликатность момента, отвернулся к окну.

Заканчивалось письмо словами: "Постарайся меня понять. Где сейчас нахожусь, тебе лучше не знать. Возможно, нам угрожает опасность. Пока поживи у родителей, на Ленинский не езди. Нужно время, чтобы все немного улеглось. Через неделю свяжусь с тобой, решим, как жить дальше. Ответь только одно: могу ли я рассчитывать пусть не на прощение, но на твое понимание? Обнимаю, Евгений".

Каширин посплюснул языком клей на уголке конверта, запечатал его. Адрес написал на отдельном листочке, протянул послание Рогожкину.

– Передашь в руки Марине. Красивая такая блондинка примерно твоего возраста. Пусть прочтает письмо при тебе и даст ответ на словах. Или напишет. Ты, вижу, умный парень. Ты и без ответа все поймешь по ее глазам. Расчет получишь, когда вернешься. А это деньги на такси. Туда и обратно. Жду тебя здесь. Поторопись.

– Разумеется. Иногда мне кажется, что я просто рожден для того, чтобы развозить чужие письма. А кто эта Марина, жена?

Каширин кивнул.

– Только она сейчас у своих родителей. У меня с тестем напряженка.

– А по телефону позвонить ей нельзя?

– Если я позвоню, ты останешься без денег.

Рогожкину вдруг мучительно захотелось похвастаться.

– У меня тоже есть жена, – заявил он. – Ну, не жена, невеста. Она балерина. Вот.

Он вытащил из кармана завернутую в носовой платок фотографию Светки из ресторанного кордебалета. Одета лишь в красный купальник и головной убор из длинных серебряных перьев, девушка стояла на сцене и улыбалась публике.

– Красивая?

– Просто слов нет.

Каширин подтолкнул молодого человека к двери.

Глава седьмая

Рогожкин сэкономил на такси, спустился в метро. Ехать пришлось через весь город, на Преображенку.

Поднявшись на поверхность, он решил поддержать настроение. Выпил бутылочного пива, немного подумал, съел пару сосисок, обильно сдобренных горчицей и кетчупом. Вспыхнувший в горле пожар, залил все тем же пивом. Над городом уже сгустились осенние ранние сумерки, когда Рогожкин, наконец, двинулся на поиски Халтуринской улицы.

Пребывая в самом благодушном настроении, он поплутал по дворам. Пару раз спросив дорогу у прохожих, он нашел нужный дом, типовую панельную девятиэтажку. Кодовый замок в подъезде был сломан. Сверившись с адресом, нацарапанном на бумажке, Рогожкин поднялся на седьмой этаж. Прислушиваясь, перед дверью двадцать шестой квартиры. Тихо. Ни человеческих голосов, ни звуков телевизора.

Он надавил кнопку. Звонок запел соловьиной трелью. Опять ни звука. Кажется, к двери соседней квартиры кто-то подошел с другой стороны, смотрит на Рогожкина через глазок. Ясно, любопытные соседи. Он снова и снова давил пальцем на кнопку звонка. Длинная противная трель электрического соловья пела на все лады. И снова тишина.

Эта чертова Марина наострила лыжи в неизвестном направлении. И тесть Каширина, подхватив в охапку свою половину, двинул куда-нибудь в гости. Что теперь делать? Дождаться их возвращения? Или пилить обратно в гостиницу? Зря он сосал пиво, зря пожадничал, тащился сюда на метро. Глядишь, поехал бы на такси, застал девчонку дома.

Рогожкин плюнул на пол. Дверь соседней квартиры приоткрылась на длину цепочки. Женщина высунула нос на лестничную клетку.

– Не знаете, где ваши соседи? – спросил Рогожкин.

– Вы из милиции?

– Нет, почему обязательно из милиции? Я их родственник. Дальний. Принес письмо.

Рогожкин вытащил запечатанный конверт. Цепочка упала, дверь раскрылась, женщина шагнула на площадку.

– А вы чей родственник? – женщина перешла на шепот.

– Мужа Марины. Вы знаете Марину? Вот я родственник ее мужа Евгения Викторовича.

Притащил от него письмо.

– А что ее муж в отъезде?

Тупое любопытство соседки окончательно истощило терпение Рогожкина.

– Да, он в отъезде. С оказией передал письмо.

– Значит, муж Марины пока ничего не знает?

– Что должен знать ее муж?

Что-то здесь не так. Рогожкин шагнул вперед. Женщина не ответила. Испугавшись не понятно чего, живо отступила обратно в квартиру, захлопнув дверь перед самым носом собеседника. Щелкнул верхний замок, затем нижний, сдвинулась щеколда.

Что так испугало эту бабу? Рогожкин в недоумении позвонил в квартиру.

– Эй, что здесь случилось?

Глухой голос соседки донесся из-за двери:

– Убирайся отсюда, родственник. А то милицию вызову.

– Тьфу, мать вашу, психи долбаные.

Рогожкин снова плюнул под ноги. С милицией лучше не встречаться. Он, быстро перебирая ногами, спустился по лестнице вниз, вышел из подъезда, прибавил скорость, завернул за угол.

* * *

Покружив по двору, он вернулся на прежнюю позицию, к подъезду, твердо решив не уходить пока не передаст письмо. Он осмотрелся по сторонам, в глубине сквера на скамейки делили бутылку красного два человека с фиолетовыми лицами. Неопределенного возраста мужик и старик с бородкой клинышком.

Рогожкин приблизился к собутыльникам, вежливо поздоровался, присел на дальний край скамьи. Хорошая позиция для наблюдения за подъездом. До Рогожкина долетал едва слышный разговор соседей.

Мужик что-то взволнованно бухтел, но так тихо, что слов не разобрать. Дед прерывал рассказ собеседника восклицаниями "А то" и "Елки-моталки". Пьяная болтовня, – решил Рогожкин, но продолжал прислушиваться.

Еще он разобрал слова "девка", "тряпка" и "насмерть". Рогожкин вытащил из кармана сигареты, протянул раскрытую пачку соседям по скамейке. Дед отказался, а мужик охотно закурил.

– А что тут стряслось? – любопытствовал Рогожкин.

– Девку из двадцать шестой квартиры убили, – сказал мужик. – С крыши сбросили. Пошла гулять с собакой. И – смертельный исход. А девчонка – моя соседка, между прочим. Может, по телевизору все это дело покажут.

Видимо, мужчина был исполнен гордости оттого, что именно его соседку, а не чью-то еще, сбросили с крыши. Сердце Рогожкина защемило.

– А девка-то молодая?

– Ясный хрен, не старая.

– Как все случилось-то?

Мужик, чувствуя себя центром всеобщего внимания, охотно начал историю, которую рассказывал уже не первый раз не первому человеку.

– Пошла она с собакой гулять. Утром дело было. А собака пудель. Вот она возвращается с пуделем, в подъезд входит. А минуты через три ее скидывают с крыши. Не собаку, а девку. А собака долго еще по подъезду бегала. Нашла свою дверь, села и лает. Ну, родители из квартиры вышли, а дочь искать не стали. Мол, может, внизу задержалась. Никто из соседей не видел и не слышал, как ее выбрасывали. А старуха мимо проходила, смотрит на газоне в кустах девка лежит. Ну, эта старуха крик и подняла.

– "Скорая" приезжала? – спросил Рогожкин.

– Труповозка, – уточнил другой старик. – А потом менты. Составили бумагу. А "скорая" позже приезжала. Мать этой девушки с сердечным приступом в больницу отвезла.

– А почему ты думаешь, что ее сбросили? – обратился Рогожкин к мужчине. – Может, она сама счеты свела, ну, с жизнью?

Мужик налил полстакана красного, предложил Рогожкину. Когда тот отказался, выпил сам, вытер ладонью губы.

– Чудак. Я ж к ней подходил. Видел ее на газоне. Лежит, руки в стороны, юбка до трусов задралась. А рот заткнут тряпкой и чем-то замотан. Когда люди сами жизнь кончают, так они рот себе не затыкают. А девку, видно, ждали в подъезде. Чем-то стукнули. В рот тряпку, чтобы не орала. На крышу вытащили – и вниз. Но менты, ясно, напишут: самоубийство. Им бы головастики ловить, а не бандитов.

– Так ты сам видел тряпку у нее во рту? – переспросил Рогожкин.

– Послушай, парень, я работаю электриком в ПТУ для слабовидящих, – сказал мужик. – Но у самого зрение сто процентов. Алмаз. Говори тебе – у нее изо рта торчала грязная тряпка. Большая грязная тряпка.

– Спасибо за компанию.

"Вот же, бляха, отвез письмецо", – подумал Рогожкин. Он поднялся, быстро дошагал до угла дома, еще ускорил шаг, глядя себе под ноги. По невнимательности Рогожкин сильно толкнул плечом какого-то зазевавшегося мужчину пешехода.

– Что с тобой, парень? – крикнул тот. – Тебя что, автобус сбил?

– Пошел ты, – огрызнулся Рогожкин. – Что б тебя самого автобус сбил.

Он поймал такси, велел водителю мчать на "Спортивную". Но тут сообразил, что теперь спешить уже некуда.

Через сорок минут Рогожкин переступил порог номера. Каширина поднялся с дивана ему навстречу. Рогожкин молча прошел через комнату, выключил телевизор.

– Я привез плохие новости, – сказал он.

* * *

Заперевшись в номере, Каширин всю ночь рассказывал Рогожкину, первому встречному молодому человеку, историю своей жизни. Историю своих взлетов и падений. Историю встречи, знакомства, романтической влюбленности в свою последнюю жену Марину. Затем он рассказал про свою взрослую дочь, которая теперь живет с его первой женой и отчимом адвокатом. Каширин устал от собственных слов. Под утро кончилась водка, Каширин совсем выдохся, как шампанское, оставленное на ночь в стакане.

Он закончил свой рассказ словами:

– Наверное, не достаточно просто любить женщину. Надо еще уметь показать, что ты ее любишь. Не симулировать любовь. А дать женщине понять, что ты ее любишь. Дорогие подарки не счет. Хотя не так уж их было много, дорогих подарков. Главное, я не умел показать свою любовь. Ты меня понимаешь?

– Почему нет? Понимаю. А кем работала ваша жена?

– Моей жене не нужно было работать. А ты, расскажи о себе что-нибудь, – попросил Каширин. – У тебя есть родители? Ты с ними ладишь?

Рогожкин ответил охотно. С давно никто не разговаривал по душам.

– У меня есть мать, отец умер три года назад от сердечного приступа. Он был свойский мужик. Часто повторял: не позволяй разговаривать с собой по-хамски. И еще он говорил: никогда не спи с проститутками. Сам отец эти правила частенько нарушал. Теперь у меня отчим.

– А мать тебя не разыскивает?

– В последнее время моя мать с отчимом только и делают, что ругаются. В основном из-за денег. Отчима выгнали с работы. И началась эта ругань. Наверное, они и сейчас, среди ночи, ругаются. Даже не заметили, что меня нет. Они сосредоточились на деньгах и своей перебранке.

Рогожкин закрыл глаза. Вдруг вспомнился один хороший вечер, когда к отчиму пришли его старые институтские приятели, кто с женой, кто в одиночестве. Накрыли большой стол, посадили за стол и его. Мать наготовила несколько плошек мясного салата, купили много водки, пива и десертного вина.

Отчим играл на гитаре, хором пели какие-то старые песни. Одна песня печальнее другой: "Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки друзья, что б не пропасть по одиночке". Рогожкин всмотрелся в лица друзей отчима. Все мужики как на подбор худые, кожа на лицах серая, нездоровая, одеты кое-как. Вот собрались, вспоминают молодость, жалуются на болезни.

Отчим пытается шутить, как умеет: "Я из того счастливого поколения романтиков, кого наша великая Родина вспоила портвейном "Агдам" и вскормила колбасой "Чайная". Все сме-

ются. Такой юмор до людей доходит, ведь собравшиеся из того же самого счастливого поколения. Еще раз подняли рюмки за дружбу и по новой затянули: "Что б не пропасть поодиночке..."

Рогожкин тогда подумал, что такие люди пропадут. Вместе или поодиночке. Но пропадут непременно. Уже пропали. Когда песня закончилась, мать отняла руку отчима от гитарного грифа, надолго прижалась губами к его раскрытой ладони. Мать плакала от счастья.

– А может, отчим и хороший человек.

Этими словами Рогожкин подвел итог своим размышлениям.

Он осмотрелся. Каширина в комнате не было. К этому времени Каширин заперся в ванной, полил голову холодной водой и долго рассматривал в зеркале свое отражение. В эту минуту он во всем винил только себя самого. Он ненавидел себя в эту минуту. Каширин плюнул в свое отражение в зеркале. Его шатнуло в сторону, плевок не достиг цели. Вязкая слюна висела на кафельной плитке. Каширин вышел из ванной. Прямо в костюме лег на кровать, закрыл глаза и провалился то ли в глубокий сон, то ли в обморок.

Рогожкин потушил свет, сел в кресло, вытянул ноги и тут же уснул.

* * *

Проснувшись в двенадцатом часу утра, Каширин сполоснул лицо, попросил у горничной утюг, выгладил на письменном столе пиджак и брюки. Рогожкин вошел в номер, поставил на подоконник бутылку крепленого вина. Он справился с пробкой без штопора, просто пропихнул ее пальцем в бутылку.

– Куда это вы собираетесь?

– По делам.

Ночь откровений кончилась. А утром хмурый, погруженный в самые мрачные мысли Каширин не был расположен к долгому разговору. Натянув брюки, он встал перед зеркалом, проверяя, ровной ли получилась складка.

– Значит, решили ехать к ним? – Рогожкин разлил вино по стаканам. – Ну-ну. Езжайте.

Каширин отказался от вина, взял в руки телефонный аппарат, набрал номер тестя. Голос Сергея Ивановича звучал почти спокойно, без истерического надрыва.

– Да, Женя, – сказал тесть. – Видишь, какое горе.

– Я скоро приеду, – ответил Каширин.

Собеседники не слушали друг друга.

– Я только что получил свидетельство о смерти. Скоро придет агент из похоронного бюро. Женщины тут, соседки... Помогают...

– Поговорим при встрече, – сказал Каширин. – Наверное, понадобятся деньги. Я постараюсь что-нибудь достать.

– Хорошо, – тесть всхлипнул и положил трубку.

Каширин поставил аппарат на прежнее место, надел пиджак. Он шагнул к двери, но Рогожкин встал на его дороге.

– Подождите, сядьте на минуту, – сказал он. – Скорее всего, это не несчастный случай. Вашу жену убили. Подумайте, с какой целью? Минуту подумайте спокойно.

Каширин остановился, но садиться не стал.

– Я сейчас не в том состоянии, чтобы думать. Тем более спокойно.

– А вы все-таки попробуйте. Хорошо, я подумаю за вас. Вслух. Вашу Марину убили для того, чтобы обнаружить ваше присутствие. Вот единственная цель. Вашим врагам нужно, чтобы вы пришли к родителям Марины. Или нарисовались на похоронах. Им нужны вы, а не Марина. Когда вы явитесь на похороны или придете к тестю, вас прихлопнут. С той или с другой стороны. Менты или бандиты.

– А если бы у тебя убили близкого человека, мать убили, – Каширин осекся. – Ты что, не пошел бы на ее похороны?

– Однозначно – не пошел. Покойнику не поможешь. А вы идите, если мечтаете умереть в муках. Вас с крыши не сбросят. А повесят на цепи вниз головой. И какой-нибудь подонок бильярдным кием станет стучать по вашему животу. Пока кишки изо рта не полезут. Вы этого хотите?

Каширин сел на стул.

– А ты что предлагаешь?

– Предлагаю – уехать из города. В гостинице вас рано или поздно найдут. Вы не в ладах с законом, не в ладах с бандитами.

– Я не в ладах с самим собой.

– Тем более надо уехать. Один знакомый предложил мне работу: перегнать пару грузовиков. По территории все России и дальше. Через Казахстан. Сперва я думал отказаться. Но теперь соглашусь. Потому что у меня появился напарник – вы. И работа ничем не хуже других, обещают очень хорошо заплатить. Вы справитесь с грузовиком?

– В армии я служил в автомобильном батальоне. Давно это было. Но руки все помнят.

– Права и паспорт при себе?

– Права при себе. Паспорт только заграничный. Гражданский бандиты отобрали. А когда нужно выезжать?

– Скоро. Так вы согласны?

Каширин поскреб затылок.

– Почему бы и нет? Наверно, ты прав. Мне нужно уехать.

– По рукам, – обрадовался Рогожкин. – Ночью вы рассказывали, что те бандиты, которые вас прижали, Литвиненко и его хозяин Ступин... Что они владеют какими-то заведениями в Москве. Кабаки, еще что-то. Я хочу знать, где их центральный офис, где сидит этот Ступин.

– Зачем тебе это?

– Перед отъездом передам ему привет от вас.

* * *

Два месяца назад рецидивист Василий Сергеевич Величко покинул места лишения свободы и нашел временный приют в Москве под крышей старой знакомой. Последний раз Величко отсидел совершенно пустяковый срок, четыре года. По совершенно пустяковому делу, на котором не наварил ни копейки и засыпался, как мальчишка. Вспомнить стыдно.

Не успел Величко опьянеть от воздуха свободы, как наклюнулась парочка верных дел. Однако возвращаться в сырой холод мордовских лагерей почему-то не хотелось именно теперь. Василий Сергеевич решил поставить крест на воровском законе и попробовать жизнь законопослушного гражданина. Ведь существуют же на свете люди, которые ведут добропорядочную жизнь и временами даже не бедствуют. А с пользой и удовольствием проводят время. Можно попробовать.

Три дня Величко натирал ноги, предлагая работодателем свою не сломленную лагерьми физическую силу, плюс несколько рабочих профессий, соглашался на любую оплату. На четвертый день пожилая женщина, торчавшая во дворе в любую непогоду, остановила Величко и сделала ему неожиданное предложение.

– Тут у нас за тем вот домом открылся комитет...

Старуха морщилась всем лицом, стараясь вспомнить точное название того самого комитета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.